

18+

Андрей Аносов

*КМТРСКМЕ
ЧАСТЮМЖМ*

Андрей Иванович Аносов

Кипрские частушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69368035

ISBN 9785006020733

Аннотация

Герой произведения молодой человек сорока трёх лет, художник-самоучка, музыкант, поэт, моряк, резчик по дереву, самым драматическим образом не вписавшийся в современное общество. С кем не бывает. Куда податься, улететь на другую планету? Пытался. Купил разрекламированный билет на «Икс-Прозедс-200», но и тут обманули, так как в итоге очутился опять на Земле, хотя и на Кипре. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	57
Глава 4	75
Глава 5	86
Глава 6	97
Глава 7	109
Глава 8	120
Глава 9	127
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Кипрские частушки

Андрей Иванович Аносов

© Андрей Иванович Аносов, 2023

ISBN 978-5-0060-2073-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КИПРСКИЕ ЧАСТУШКИ

Пролог

5.10.2003 г. Аэропорт Домодедово

Улетаю, а настроение почему-то не очень. Впрочем, есть от чего, я опять вынужден оставлять семью. Эти три года после моей депортации из Афин мне показались вечностью. И всё равно улетаю, как ни старался адаптироваться к новой обстановке. Не дай бог, если это паранойя. Ну, мания-то преследования в начальной стадии у меня, наверняка, имеется, а иначе бы не озирался постоянно, словно за мной тут все охотятся. И потом, к кому не обращался за советом, мне все в один голос твердили, что раз меня депортировали из Греции, то и на Кипр я тоже не пролечу. Что же делать тогда, интересовался я, а мне говорили, меняй фамилию, паспорт. Ага. Честно признаюсь, что от навалившихся на меня бед, стал я слегка недолюбливать людей. И хотя до мизантропии дело ещё пока не дошло, но мне кажется, что всё движется именно в этом направлении. Почему я выбрал Кипр? Трудно сказать. В списке стран, на которые я обращал свой взор, он объявился почти случайно. Но когда я начал анализировать такие факторы как климат, родственную с Грецией культуру, а, главное, идентичный язык общения, то всё сразу встало на свои места. Напротив, даже странным было, как же это я сразу не отдал предпочтение именно ему? Я не то чтобы в совершенстве владел греческим, но и тех базовых знаний, что я получил когда-то в греческой эмиграции, на Кипре бы

мне хватило с лихвой. Плюс там, я слышал, был в широком ходу английский язык, что тоже значительно усиливало мои стартовые позиции. Сейчас я покидаю Россию, потому что мне это срочно нужно сделать, иначе, я развалюсь морально. Мой нынешний отлёт, это, вообще-то, логичное продолжение сюжета. Кто читал мою первую книгу мемуаров, тот врубится сразу, почему мне так и не удалось здесь найти себя. Слишком многое изменилось с тех пор, я сам поменялся кардинально. Человек слишком сложный механизм: не там нажал какую-то кнопку и всё, запускается необратимый процесс. И тут не то что в одну реку дважды не войдёшь, а и река сама давно поменяла своё русло, а то и пересохла вовсе. В девяносто восьмом улетая с семьёй за границу, мы, по сути дела, имели на руках билет в один конец. В принципе, оно и объяснимо, ведь, у каждого свои жизненные перипетии, но всегда, когда приходишь до какой-то определённой точки, то берёшь в руки линейку с карандашом и чертишь линию, это и будет твой следующий маршрут. Так виртуальный луч, очерченный мной, неожиданно упёрся в Кипр. Конечно, там тепло и там люди крестятся так же, как и я. А, главное, что там есть море. Моряк и море, что может быть гармоничнее этого состояния? (смайл) На самом же деле, всё было гораздо и сложнее и проще, но как всегда истина лежала посредине. Итак, линия проведена, ею пересечён аэропорт Домодедова, мой будущий самолёт и... полная неизвестность впереди. Но неизвестность это как раз то, что меня и привлека-

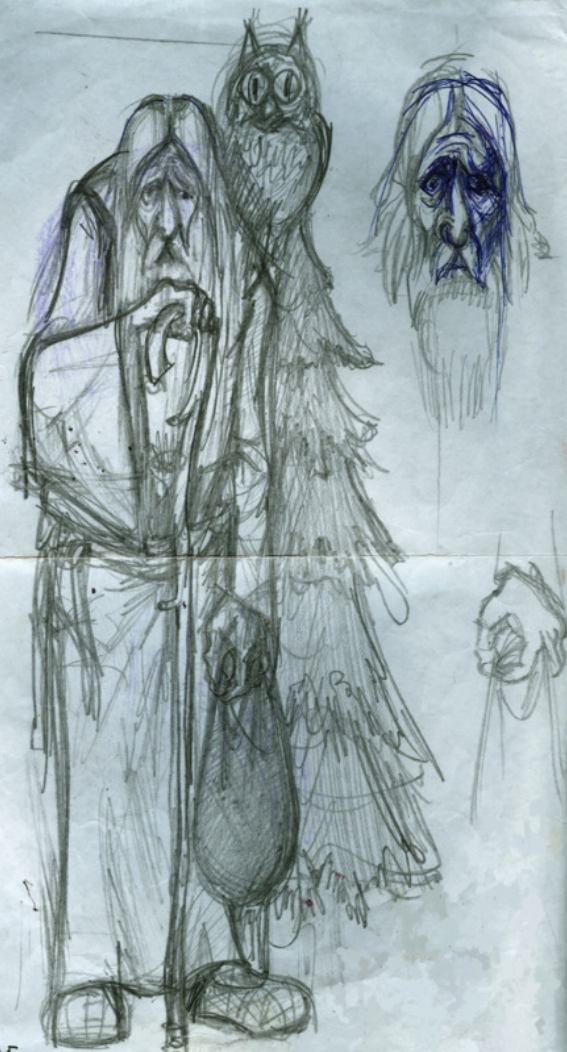
ет больше всего. Квест как квест, мне и не такое приходилось переживать. Сейчас, как и в предыдущую свою эмиграцию, я настроен так же решительно. А у меня, между прочим, только такие номера и проходят, когда я луплю по всему по максимуму. А по максимуму, это значит, что возможен любой из вариантов, как тюрьма, так и сума. Классика. Лечу налегке, только бы пролететь. Не в смысле облажаться. Вот, ведь, русский язык, а? А аэропорт гудит, одни туда, другие сюда. Бьюсь об заклад, что я единственный в своём роде пассажир, который не имеет плоти. Я-дух, я привидение. Или чья-то зрительная галлюцинация. Россия это очень сложный набор факторов и чаще весьма противоречивых. Велик риск не вписаться, вылететь на обочину, трагически закончить свой путь. Про Москву я, вообще, молчу. Россия при всей своей неоднозначности не смогла бы спасти меня от какого-нибудь, к слову сказать, биполярного расстройства. Это с моей-то лабильной психикой? Я вас умоляю. У Империи другие задачи, понимаю я, поэтому мне опять придётся полагаться только на себя, на свою неубывающую любовь к естествоиспытаниям. Я где-то догадываюсь, конечно, что являюсь сдвинутым по фазе индивидуумом, но чтобы не уличить себя в нарциссизме, свой хлеб с маслом я всё же зарабатываю исключительно на ниве конченного трудоголика. Да, вкалывать я умею, это правда. Куча народа шлындает вокруг меня, а я ощущаю себя совершенно потерянным человеком. Как так могло случиться? Я сейчас

напоминаю себе тайного агента несуществующих спецслужб (смайл). Среди своих мне одиночества не добиться, поэтому улетаю. Здесь, на Родине, меня будут дёргать бесконечно, лезть в душу и не чтобы вникнуть, а чтобы просто поприкалываться. Теперь почти все живут исключительно по приколу, а меня тошнит от всего этого шапито. Я улетаю, чтобы уцелеть морально, а потом уже и физически. Этих двуногих в аэропорту я ещё могу как-то потерпеть, несколько часов полёта и мы расстанемся с ними навсегда. Можно сказать, что я болен душевно. Так что сегодня для меня аэровокзал это мой приёмный покой. Просто вместо отметки в амбулаторной карте здесь мне поставят желанный штампик в загранпаспорте, что будет автоматически означать, что мой провизор уже поджидает меня со своими пилюлями с другой стороны магического портала. Нет лучшей терапии, чем билет в кармане. Моя жизнь, мой символический самолёт подбит и я просто увожу его подальше от жилых застроек. Кстати, прощаясь недавно с матерью в тульском Белёве, я ей так просто и сказал, что скорей всего, мне придётся опять зайти на тюрьму. Видать, предчувствие у меня было такое. Может быть, колейность момента не столь очевидна, но всё же. Разумеется, что Кипр неспроста, ведь, после высылки меня из Греции, я буквально с ума по ней сходил, как отверженный жених. Три года я её кадрил, три года! И когда мне уже казалось, что всё, свадьба не за горами, она взяла и наставила мне рога. Грубо, с элементами порнографии. Господи,

кто только не оседает в Греции! А вот стараешься вести себя морально – получи! Короче, поставили меня в стоп-лист аж на пять лет. А за пять лет человек перегорает в шлак. Я же в себе этот последний огонёк, своего мультяшного Кальцифера, сохранил. И вот, я дошёл до точки, до ручки, до самого последнего своего предела. Нет сил больше терпеть, улетаю в страну похожую, в страну далёкую. Многие товарищи не правильно понимают эмиграцию. Автоматически отъезд за границу ничего не даёт, если ты сам внутренне не готов воспользоваться фактором радикальных перемен. Я готов. Был всегда. Но менять одно ярмо на другое я как-то не планировал. Однако, чтобы не заполнить в лоб противорадарной ракетой, нужно вовремя отключать отражающий сигнал. Так что уже в аэропорту я был полностью обесточен. Эмоционально. Все наши страхи, в основном, подразделяются по категориям физического восприятия. Один страх медленный и липкий и доминирует в нём, скажем, не менее убийственное ожидание казни. Другой напротив, лёгкий и почти невесомый. И если в первом случае ты представляешь из себя потное, объятое стрессом существо, то во втором ты полностью ощущаешь себя птицей. Сегодня я заслуживаю этого состояния. Вполне. По мере сосредоточения на предмете, всё больше успокаиваюсь мыслью о том, что Кипр правда может быть хорош для моего лечебного уединения. Во-первых, он совершенно не отягощён предыдущим негативным опытом и там мне предстоит проделывать всё впервые, но с учё-

том прежних ошибок. Да, кажется, мне впервые было чем возразить моему политизированному сознанию, жаль только, что нельзя было выйти из собственного тела, чтобы совсем не думать о еде, так как смертным боем хотелось жрать. Действительно хорошо, что за два дня до этого я успел навестить в Белёве свою старенькую мать, может, не свидимся уж больше? А вот к своей семье перед отлётом я решил не заезжать, дабы не тратить драгоценные время и деньги. Тем более, что мы уже виделись с ними месяца полтора назад, что в новой системе ценностей было почти что вчера. Улетая, не от себя бегу, просто мой мозг сейчас перегружен так, что его нужно срочно перезапустить, иначе... Когда бы ты знал, дорогой читатель, что движет человеком на краю бездны. Это крест. Я уже поставил мысли на перезапись и я чувствую, как надоевший контент в моей голове беззвучно превращается в ничто. Но что самое смешное, что мне опять придётся нарушать греческие законы! Объективно человек, выбившийся из нормального ритма жизни, рискует лишиться разума. Жуткая перспективка! Время в аэропорту движется аритмично, оттого меня бросает то в жар, то в холод. Даже если на Кипре всё пойдёт не так, то и это всё равно будет мне польза, так как перезагрузка во всей моей нервной системе произойдёт автоматически. Пусть и ненадолго. Я сейчас, вообще, живу одним днём. Если не сказать мгновением. Я почти три года ждал этого часа. Много ли изменилось с момента моей первой эмиграции? Пожалуй, да.

Прежде всего то, что сегодня я лечу один, а не с семьёй, как раньше. И сегодня я уже не испытываю прежней эйфории, потому что смертельно устал от бесконечной борьбы за выживание. Эйфория в фазе голубой асфиксии, это не эйфория, а предвестник смерти. И всё равно, некая значимость происходящего всё же присутствует, это она в облике странно объяснимой грусти бродит рядом со мной, а её унылая тень мокрым асфальтом липнет к моим ногам, словно просит: – «Не улетай!» Сегодня наивно чего-то ожидать и на что-то надеяться. Остаётся опять рисковать, провоцируя жизнь на скромное внимание к себе. Я улетаю. Се ля ви, тихая русская осень! Сколько раз воспетая своими гениями, сегодня она почти не впечатляет меня. Наверное, это нервы. Так улетают на год, а остаются навсегда. Но мне нужно исчезнуть хотя бы на время. Спрятаться. Отдохнуть от всего. Жизнь справедлива, я верю в это. Ну, всё, наконец началась долгожданная посадка в самолет. Ступив на лётное поле, я с нескрываемой тоской смотрю на акварельный пейзаж Домодедова, может быть, мы тоже видимся с ним в последний раз. Всё, Андреа, фенито! Улетая, мы изменяем наши имена. Сейчас в моём меню значится ИЛ – 86!

АРОКНАС@ОЕ
#000E

Глава 1

«Куплет первый»

Моё место в самолёте находится в среднем ряду, так что уединиться мне опять не светит. Я, вообще, не из этой людской «коллекции». Надо полагать, они здесь все туристы, а я беглец. От кого и зачем бегу, не важно. Важно, что я подорвал с ненавистной мне зоны, а дальше всё будет зависеть от обстоятельств. Сижу полуприкрыв веки, ненавязчиво изучаю видимых сквозь щели глаз пассажиров. У меня в кармане всего семь баксов, у них, я уверен, лямы лежат на счетах. Контингент летящих со мной людей мне доподлинно неизвестен, но, судя по всему, тут преобладают богатенькие буратины. Не исключаю, что кое-то из них даже летает на Кипр как к себе домой. При нынешней российской нищете, вряд ли это доярки, хлеборобы и прочие горняки. Я другое дело, я деньги у людей на билет дозянял. Эта ухмылка на моём лице, явный признак оттепели, я ещё не пересёк границы родного государства, а меня уже сейчас начинает пробирать охотничий азарт. Моё сознание вдруг сосредотачивается на дате моего отлёта: сейчас начало октября, а это значит, что ещё немного и в Россию придут настоящие холода. Невольно через ряды кресел устремляю свой взор к иллюминаторам, словно там находится моё спасение.

Но позитивные перемены в моём сознании наступают уже теперь, так как оно прекрасно осведомлено откуда и куда пролегает мой будущий географический маршрут. Лечу-то я на Юг, а не куда-нибудь! Переменчивое настроение гуляет по моим венам волнообразно, в зависимости от темы, посетившей меня в конкретный промежуток времени. Ежели меня завернут прямо в аэропорту, то это будет облом, конечно, но всё равно не смертельный. А что смертельно, мы знаем. Из очевидных минусов то, что не смотря на полученное мною когда-то среднеспециальное образование, по факту я являюсь рабочим самой низкой рабочей квалификации. Ну, кем я работал в России, матросом в море? Был строителем-самоучкой? Правда ещё резчиком по дереву десять лет отмантулил, но больших доходов на этом поприще себе тоже не снискал. Это только в Греции, чтобы выжить, мне приходилось держать наготове до пяти-шести навыков, включая новые для себя профессии садовника и реставратора. Но там и возможностей было больше всё равно, если сравнивать Грецию и Россию девяностых. И вот я снова лечу за бугор. В Тридевятое царство в Тридесятое государство. Золото три девятки и три золотых целковых на кону... Раньше дня не проходило без того, чтобы я что-то не планировал, не прикидывал в уме, не пытался что-то рассчитать наперёд. А теперь, по крайней мере, хотя бы по прилёту, я не буду думать ни о чём, постараюсь посвятить себя благоглупостям. Думая так, я с удовольствием просовываю ноги под впереди стоя-

щее кресло и чуть съезжаю спиной по спинке сиденья вниз, моя поясница тут же приятным расслаблением отзывается на этот бесхитростный трюк. В СНГ я настолько выдрессировал себя ценить каждое мгновение, что сейчас практически счастлив тому немногому, что окружает меня. Мягкое кресло, самолёт... не исключено, что на той стороне портала меня ожидает пятый угол. Но темп задан и теперь главное не терять его. Как ни крути, а процедура оставления мною родных пределов была на редкость проста: немного поболтался по аэровокзалу, выпил стаканчик отвратительного кофе, сел в самолёт и полетел. Кстати, сегодня я впервые лечу на Ил-86! Хотелось бы верить, что не в последний раз. Скрестив пальцы на животе, продолжаю болтаться в тотальном ликворе. Не знаю, прошёл час? Полтора? Кажется, подлетаем к границе чего-то очень тёплого, кое-кто из пассажиров начал даже понемногу разоблачаться. А я лишь молнию на куртке слегка приспустил, так как весь гардероб мой практически на мне. Пардон, не было времени собраться как следует, вот и лечу в осеннем прикиде. Продолжаю рассуждать про себя: даже если на Кипре всё пойдёт по печальному для меня сценарию, то и тогда депортировать сразу они меня не смогут. Пока пройдёт задержание, пока они меня доставят в каталажку, пока то да сё... А если нет, то тогда, вообще, лафа! Ведь, совсем недавно я себе даже представить такого не мог! А тут в моём распоряжении теперь будет аж целый гостиничный номер! Да ещё в течении двенадцати дней!

Всё как у белого человека: душ, туалет, чистая вода из-под крана! Кипр это остров, что тоже мне на руку сейчас, ибо, в случае депортации прежнего издевательства, как это было со мной в прошлый раз с греками, здесь уже не случится. Так что, только самолётом домой, господа! Только самолётом! Да, что мне ещё сразу бросилось в глаза, так это всеобщая настороженность во взглядах! Всё же недавние московские теракты, как я вижу, здорово осложнили отношения между людьми. С грустью готов признать, что человек человеку больше не друг, а всё путешествия по воздуху отныне можно смело приравнивать к прогулкам по минному полю. Если честно, то видеть мне моих соотечественников что-то тоже совсем не хочется. Кто сейчас летает за рубеж, в основном, бандиты, казнокрады? Либо дошедшие до крайней степени отчаяния индивидуумы, вроде меня? Не факт, конечно, что только эти три категории перелётных птиц, но в подавляющих случаях, пожалуй, да. В любом случае, публика, собравшаяся в этом самолёте, мне чужая и я им чужой. Кстати, мне это значительно облегчает мою вторую по счёту эмиграцию, так как их недовольные физиономии, повёрнутые в мой адрес, только ещё больше утверждают меня в мысли, что то, что я делаю сейчас, абсолютно верно. Бессмысленно объяснять им, что я нормальный человек и что все так или иначе крутится у меня вокруг одного и того же импульса выживания, когда ничего не позволено, но всё разрешено. Для тюрьмы клиент я пока неподходящий, но и в классические

обыватели мне тоже путь заказан. Короче, первые полтора часа полёта прошли у меня почти в эйфории, но чем ближе было к финальной точке маршрута, тем тревожнее мерцала красная лампочка в моей голове. Хорошо, что в московском аэропорту на последнюю мелочь успел купить себе сканворд. Пожалуй, настало время извлечь его на свет божий. Моя шариковая ручка прерывисто скользит над пустыми клетками, так как я совершенно не могу сосредоточиться над вопросом, синдром отказа диктует мне иную, чем прежде, форму поведения. В голове мелькают обрывки фраз: «ты никогда не выберешься из этой ситуации», «ты не проедешь», «тебя пожизненно занесли в компьютерную базу данных»... Я с грустью подглядываю за нашими туристами, ну, у них-то с визами, как я полагаю, наверняка, всё в порядке? Вот, одни шутят, другие обмениваются адресами. Все они стопроцентно должны пройти таможенный контроль. А, может, и не все. Кипр, как никак, славится тем, что сюда слетается масса криминального сброда. А в это время самолёт несколько раз плавно погрузился вниз, меняя эшелон, и салон тут же заполнился всевозможными техническими звуками, похоже, что мы идём на посадку. Сердце моё взбрыкнуло несколько раз и затихло. Я отложил сканворд и как все пристегнулся ремнём безопасности. В предвкушении посадки, толпа радостно заёрзала в креслах, а я сижу ни жив ни мёртв. Вот ещё немного... и шасси мягко ударились о бетонку. Судя по картинке в иллюминаторах, жара здесь стоит конкретная.

Это тебе не Москва. Дальше упираться бессмысленно, я тоже скинул куртку и свитер. Крепко же я закоснел в своих мыслях, раз не додумался проделать это сразу во время посадки в самолёт. Всё, самолёт окончательно остановился и пассажиры стали вскакивать с мест, доставать ручную кладь с антресолей, в проходе мгновенно образовались заторы. Я же пока ни с места, из вещей у меня, как вошь на аркане, стрёмная чёрная сумка, я совершенно не вписываюсь в эту продвинутую туристическую тусовку. Словом, вот я и на Кипре. М-да, прикид у меня того, не совсем подходящий для такой жаркой страны. Кажется, я чувствую себя сейчас ренегатом, конченным маргиналом, вообще, кем угодно, только не туристом. Ага! Пошла движуха. Я следом. Стараюсь в глаза никому не смотреть, словно в моих написано, что я ренегат и есть. Передняя часть пассажиров, следом я, медленно двинулись на выход. Кое-как на ходу успел спрятать позорную куртку и свитер в сумку, еле поместилось всё. По выходе из самолёта погода шокировала меня, словно вылетал я с Северного Полюса, а приземлился уже в знойной Сахаре. Вскоре к нашему трапу скользнул убогий автобус, мы все шустро разместились в нём и поехали. Смотрю в окно и обалдеваю, неужто, это октябрь? С Грецией пока аналогий не густо, но это, я думаю, пока. Кружим по лёгному полю, но кроме убогого ангара на горизонте больше ничего не видать. Жара стоит такая, что мой организм с непривычки словно оглох, отключился нахрен. Скорей всего, это шок и мгновен-

ная анестезия, как защитная реакция организма на стресс, спровоцированный резкой переменной климата. Мои предположения оправдались: мы и в самом деле тормозим возле того самого одиноко стоящего ангара. Только двери открылись, как словно возникший из ниоткуда работник аэропорта, стал молчаливыми жестами увлекать нас за собой. Следом подходит ещё один автобус и уже с этими пассажирами мы растянувшейся кодлой протягиваемся внутрь строения через приоткрытые на четверть большущие двухстворчатые ворота. Обстановочка внутри спартанская, но досмотровые кабинки присутствуют, всё как положено и тут куда прохладнее, чем снаружи. Тоже плюс. Мне уже сейчас здесь всё нравится, в этой географической точке земного шара. Но Москва Москвой, но как же это я почти тридцать лет прожил в Заполярье и там не загнулся от дефицита витамина D? (смайл) Сколько себя помню, мне всегда нравилась жара. От неё, по крайней мере, хоть какое-то противоядие есть. Но, блин, зима в последнее время меня просто выбешивала своей декомпенсацией! Нет, я не человек Федерации, однозначно. Плохо управляем, озлоблен жизнью, но пока не мизантроп. В общем, нахрен никому не нужен. Разве, детям своим немного и жене? Жена отпустила меня легко, наверное, знала, что удерживать меня в подвешенном состоянии будет только себе дороже. Жесть.

Глава 2

«Куплет второй»

Я чертовски устал, отупел от всего. Кажется, мне уже было всё равно, что со мною будет в дальнейшем. Правда здорово, что Кипр это остров. Отступить мне некуда, а если меня всё же соберутся депортировать обратно, то им сначала придётся повозиться с моей бронью на обратный перелёт и, наверняка, какое-то время до высылки я буду вынужден провести в КПЗ. Там хоть отосплюсь немного. А если нет, то как я уже говорил, и того лучше; двенадцать дней аккредитации в отеле будут для меня прекрасной передышкой от нескончаемого кошмара в СНГ. Мои инстинкты в последнее время вообще обострились настолько, что я готов был выгоду извлекать из чего угодно. Кстати! В кипрском аэропорту что-то сразу пошло не так и я моментально за это ухватился, расценив возникшую заминку как некий позитивный сигнал к переменам. Вышедший к нам кипрский офицер пытался нам что-то объяснить, но я плохо понимал о чём идёт речь, поскольку нарочно болтался позади всех и был взвинчен до предела. Я смотрел сквозь тела своих соплеменников и поверх их голов, будто лучом радар ощупывал враждебное пространство и искал цели. Цель мне пока была не ясна, но Кипр уже проступал, Кипр знакомыми запахами про-

сачивался с другой стороны аэровокзала и словно все это почувствовали сразу, толпа пришла в движение, стала чётко выстраиваться вдоль невидимых магнитных меридианов. Я тоже стал метаться из стороны в сторону, пытаюсь занять очередь хоть за кем—нибудь из ускользающих крайних. Однако, очередь всё никак не сформировывалась, так как люди постоянно перестраивались от одной кабинки к другой, легкомысленно ломая очерёдность. Велик человек, смиряемый гордыни его. Не желая позориться в стадном помешательстве, я просто взял и на какое-то время, вообще, отошёл в сторону. «Пусть я буду крайним в этом идиотском бедламе!» – решил я. Вскоре сама ситуация показала, что я поступил правильно, что не подчинился всеобщему психозу: киприоты нас просто тупо бросили болтаться по залу, вынуждая наиболее неуравновешенных людей приставать к другим с дурацкими вопросами типа: «А вы не знаете, с чем это связано, что нас до сих пор не пригласили для проверки документов?» На этой кипрской земле я сразу почувствовал себя более раскованно, казалось, что сама природа здесь настроена за меня. Да, на родине я дошёл до крайней черты и лишняя капля негодования, добавленная в мой кубок с отравленным вином, уже практически не меняла ничего в общем раскладе сил. Находясь в новых географических координатах, я как бы оглядывал предмет с двух сторон и по всему выходило, что в нас «совок» был по-прежнему неистребим, даже здесь и сейчас. Я где-то прочёл однажды, что чтобы выжить

в тюрьме, нужно быть либо миссионером, либо крайним пофигистом. Моя жизнь мало отличается от статуса заключённого, я тоже критически завишу от обстоятельств непреодолимой силы, это они диктуют мне что и как. Но мне больше импонирует сравнение с послушником, который прибыл в один из кипрских монастырей, чтобы исполнить наложенную на него епитимью. Зачастую, человек не в силах воспринимать мир целиком, может быть так срабатывает защитная функция организма? Поэтому не удивительно, что моим лично куском свободы сейчас является эта серая бетонка, которая ярким солнечным пятном проглядывает сквозь створ ворот нашего терминала. В отсутствие лидера, толпа соотечественников долго шарахалась по залу, пока к нам вновь не вышел сотрудник кипрского аэропорта и не призвал нас приготовиться для проверки документов. Индукция сознания сделала своё дело и люди стали организованно выстраиваться один за другим в очередь. Кажется, очередей образовалось две, по одной в каждую из кабинок. Пристроившись в хвосте одной из них, я стал лихорадочно прокручивать в своей башке возможный план действий «в случае, если». Но мысли мои по-прежнему путались в голове и чтобы как-то отвлечься от них, я стал то и дело оборачиваться назад, с тихой грустью поглядывая на аэродромное поле, его значение для меня было сейчас почти метафизическим. «Боже, насколько же мы разные! – я с нескрываемым раздражением со спины поглядывал на своих соплеменников. –

Эти, наверняка, живут в своём комфортном материальном мире, в то время как я вынужден всё время рисковать, ставя на кон здоровье, а иногда и саму жизнь!» Помню, мне дед мой часто пенял, двенадцатилетнему мальцу, что с моим характером мне будет нелегко в жизни. Интересно, что он имел в виду? Базара нет, дед мой был мудрым человеком, двенадцать лет в ГУЛАГе отбатрачил как никак! Но, боюсь, что и он был не пифием. Знание жизни это настолько субъективная вещь, что тут надо чётко определиться, в какой же именно сфере ты представляешь из себя непрекаемого эксперта. Вот, скажем, откуда ему было знать что за политика в реале была тогда в его стране? Дед, ведь, как судил, однобоко? Ну, да. А как иначе? Сталин посадил, Хрущёв выпустил! А то, что Хрущёв гнидой был отменной и помимо прочих амнистировал тысячи и тысячи бандеровцев? И Крым российский впоследствии передал хохлам, как мешок с картошкой! А расстрельные списки, составленные при непосредственном его участии? А прочее его неуёмное самодурство? Короче, вот кто был его кумиром. Так, может, он и с моим характером так же просчитался? Жизнь моя тяжёлая, спору нет, зато я знаю чего хочу. И я особо не парюсь если что и, видит Бог, не мешкаю при принятии какого-либо решения, от планирования до реализации у меня обычно минимальный интервал по времени. А вот в чём у меня действительно проблемы, так это с властью. Причём, в любом её проявлении. Я свободолобив до паранойи. А государство

таких не любит. Вон, почитайте Никколо Макиавелли! Там он чётко всё описывает! Я же своё пытаюсь сохранить. То, что во мне было заложено с рождения. И оно плохо сочетается с постоянно меняющимися правилами игры в обществе. Я всего лишь пытаюсь отыскать альтернативу бардаку, который власть стремится выдать за своё акуенное достижение. Пусть у меня прикид хреновый и в кармане ни шиша, зато перед этими людьми у меня есть явное преимущество – я буду играть так, как посчитаю нужным. А они нет. Они прилетели сюда прохерачить своё бабло и после убраться во свояси. Скучно и неоригинально. Так что мне только пройти паспортный контроль, а дальше у меня включится режим агрессивного поиска. В России, ребята, я устал, как устаёт металл от бесконечных перегибаний. С себя вины не снимаю, и всё же. Песня у нас такая в Советском Союзе была, «С чего начинается Родина», в исполнении Марка Бернеса. Проникновенная такая песня, правильная вроде бы. А вот, попал я под молот системы и стал разбираться: а с чего начинается моя лично Родина? С чиновничьего мурла в кабинете? В нежелани кого бы то ни было разбираться в моих проблемах? «Родина!» – кричу я беспрестанно на вокзалах, на стройках, в милицейских (в то время) участках. Родина молчит... Родина руки не подаст. Мне говорили «Ты сам виноват. Сам выбирайся. Не плачь. Не скули. Не требуй к себе особого внимания. Всем сейчас нелегко». И верно. В какой-то момент я и правда перестал жалеть себя. Битый-пе-

ребитый, а всё- равно добрый по натуре. Но у таких моментов есть и другая сторона. Какая? Это всё от личности зависит. От множества сопутствующих факторов. Я, к примеру, если вижу, что на данном конкретном поприще у меня полный голяк вырисовывается, то сразу даю себе установку сворачиваться нахрен. Так и после депортации получилось: помыкался, помыкался я по стране и понял, что ни хрена у меня тут не получится. Чужим я здесь стал для всех. Не о том говорю, не так изъясняюсь? Может быть, и морда моя людям тоже не нравится. Фиг ли я буду им навязываться? Веришь, дошло до того в конце концов, что в России мне даже в больницу иногда хотелось попасть, чтобы там хотя бы с недельку отлежаться на чистой больничной простыне, в полной тишине и покое. Вероятно, я уже не совсем здоров психически. А тут стою сейчас посреди кипрского аэропорта, как лечиться намерен, кипротерапией, что ли? Не удивительно, что между полной апатией и небывалым эмоциональным подъёмом у меня зазор всего лишь в три миллиметра, но раздвоения личности при этом не наблюдается? Я, пожалуй, единственный человек в толпе российских туристов, кто желает двойного эффекта прогрессии: чтобы двигаясь быстрее, эта очередь не двигалась бы совсем. Кажется, второе было услышано на небесах куда быстрее, опять пошла какая—то движуха, на этот раз с бланками. Я так понимаю, нам предлагается заполнить въездные декларации? Но я и тут не успел, от слова опоздал. Все тут же кинулись разбирать декларации,

словно это было их главным условием пребывания на Кипре! Пока я добрался до эпицентра всеобщей вакханалии, все бланки уже были благополучно разобраны наиболее шустрыми и нетерпеливыми. А если сказать честно, то я не слишком и спешил к шапошному разбору. Мне было в падлу ломиться в эту кучу-малу. «Адреса, явки, с какой целью прибыл...» Я, вообще, решил ничего не писать, обойдутся. Это всё вещи одного порядка. Немцы летом сорок первого нашим военнопленным тоже хлеб прямо в грязь бросали, чтобы насладиться видом дерущихся между собой людей, обезумевших от голода. Между прочим, катавасия с проверкой документов что-то слишком затянулась! Сколько мы уже здесь болтаемся без движения, часа полтора? Два? Не сторонник конспирологий, я тем не менее, и тут увидел для себя скрытое преимущество; а вдруг высшим силам угодно, чтобы киприоты сами задолбались в конце концов и не так рьяно бросились бы проверять мою заграничную ксиву? Блин, как же я сейчас завидую тем, кто летит легально и кого ещё ни разу в жизни не вносили в стоп-лист! Для этой категории лиц все напасти по прилёте на Кипр, может, только этим сюжетом и ограничатся. Но мне доподлинно известно, что среди нас, наверняка, имеются такие, кто по ряду причин находится в больших неладах с законом одной из стран мира. Стопудово, не все сюда отдыхать прилетели. А кому-то и умереть здесь будет суждено. Короче, маринуют нас неспроста, наверняка, чью-то указявку исполняют. Мера эта малоэф-

фективная, но как любое человеческое унижение, тоже относящееся к разряду редкостных психологических провокаций. Срабатывает в большинстве случаев. Конечно, киприоты себе не враги, всех пропустят, надо их только хорошенько попросить об этом. О, сколько раз я был свидетелем таких бесплатных концертов! А потому что закон, как дышло, ему проще наказать какого-нибудь бедолагу, нежели, защищать его от произвола. Разделяясь на подсистемы и уходя грибницей своей в самую суть человеческих проблем, Система Ниппель при этом как бы остаётся не при чём и мстит она человеку как раз задействовав такие подсистемы. Одна из них – это подсистема противоречий, базирующаяся на искажениях глобального принципа подчинения и непослушания, но при этом, сама подчиняющаяся всегда основному закону, принятому к безусловному исполнению в той или иной части мира. Нарушаешь баланс? Получи! Похоже, человеку не понять, что любые ограничения, когда—либо возникавшие на пути познания себя и мира, с самого рождения были заложены в его характере и скорее являются благом, чем злом. А кто тебе, вообще, сказал, что жизнь это лёгкая штука? Человек запрограммирован на цель изначально, просто не все готовы к этому функционально. А зачастую, отъезд за границу является для человека едва ли не единственным шансом уцелеть. Здесь даже устойчивая мотивация к жизни и та не является определяющей. Что уж говорить о человеческом факторе, если вся наша жизнь и есть сплошной че-

ловеческий фактор. Короче, ничего я заполнять не стал, понадеявшись на русский авось. Моя очередь двигается, но как я и заказывал, уж слишком медленно. Чтобы окончательно не поддаться унынию, разглядываю закреплённую на стене под потолком большую рекламную растяжку, на ней рекламируется неизвестный мне местный кипрский бренд – пиво «КЕО». Своей цифровой документальностью плакат разит меня в самое сердце. Я люблю его жёлтыми пузырьками на запотевшем тёмно-коричневым бутылочном стекле с яркой золотисто-красно-синей этикеткой на боку. Фантазийно меняя цвет, пиво морской волной выплёскивается из бутылки. Даже сквозь вал полуденного зноя, настойчиво прорывающегося снаружи, ощущается безусловная близость моря. Пиво, море... Или, море пива? (смайл) Мои рецепторы включились, мне нестерпимо хочется туда, за забор, на волю. Я спинным мозгом чувствую, что море плещется где-то рядом и мне так не хочется улететь обратно, где давно всё схвачено и отфигачено так называемыми постмодернистами от политики. Вдруг, сзади кто-то осторожно коснулся моего локтя и я на это прикосновение рассеянно обернулся назад, оказалось, что это вновь прибывшие иностранцы в эйфории прибытия перепутали свою зону паспортного контроля с нашей бедолажьей.

– Что? – рассеянно переспросил я, уставившись на пожилую иностранку в лёгкой белой кофточке, в соломенной шляпке с широкими полями и салатового цвета бри-

джах. – Нет! Среди нас нет пассажиров, только что прибывших в Ларнаку последним рейсом из Лиона! Я ещё хотел добавить, что здесь только русские, но вовремя передумал, вряд ли бы это добавило ей оптимизма в общении со мной.

– Нет?! – иностранная гражданка, вероятно, француженка, стала рассеянно крутиться на месте, а вместе с нею её пузатый чемодан на колёсиках, который она всё время держала рукой за длинную выдвижную рамку. Гражданка долго не могла отлипнуть от меня и тогда мне пришлось рукой указать ей в сторону совершенно не занятого никем прохода, в отличие от нашего грамотно огороженного от других турникетом из жёлтой ленты, сматывающейся по типу рулетки из специальных пластмассовых кассет на столбиках ограждения. Эта женщина, вероятно, была не простой туристкой, а феей, потому что когда она ушла, остатки наших очередей рассосались в одно мгновение! А на деле, нам для проверки документов дополнительно выделили ещё две кабинки, в одну из которых я тут же и переместился, почти с библейской точностью став «первым» среди «последних» (смайл). Когда я подошёл к окошку, греческий офицер сонно оторвался от писанины, вид у него был конкретно уставший. Он угрюмо посмотрел на меня своими тёмно-карими брызгалками, просящим жестом протянутой ко мне руки требуя, чтобы я передал ему все свои доки.

– Из той же компании? – по-русски спросил он, без видимого интереса пролистывая страницы моего загранпаспорта.

– Нэ! – бодро ответил я и тут же пожалел, что слишком рано перешёл на греческий. Киприот машинально вскинул чёрные брови и сдержанно улыбнулся, а я застыл, ни жив, ни мёртв. Мне теперь казалось, что он мои данные в компьютере стал просматривать более тщательно. Короче, мне эта заминка нервы пощипала! Настоящий психолог бы меня расколол на раз. Зная об этом, я старался не смотреть ему в глаза, но, чёрт возьми, я видел сам, своими собственными глазами, как он щёлкнул пальцем по «клаве», а потом напряжённо уставился в синюю рамку диалогового окна на мониторе. Эти рамки у него всё время менялись, видимо, он всё глубже и глубже залазил в мою скандальную эмигрантскую историю. Короче, это был полный писец! Кажется, я даже дышать перестал. Настроившись на худшее, я на всякий случай мысленно попрощался с Кипром, даже на бетонку ещё раз оглянулся посмотреть, благо ворота из-за жары и неработающих кондёров внутри были по-прежнему приоткрыты, кипрский же офицер продолжал лениво рыться в моих данных. Интересно, о чём он сейчас думает? Исполтишка подглядываю за ним, находясь почти в состоянии нокдауна, с назойливым шумом в ушах. Но нет, в мимике его лица я пока не нахожу ничего для себястораживающего. Даже наоборот: сидит себе чувак, носом подшмыгивает и в разминочном стиле поводит лопатками на спине. Кстати, в зале я остался совершенно один, кроме меня больше не было никого. Блин, обидно будет спалиться! В Белоруссии мне сказали

однажды, что я владею пассивным гипнозом. Попробовать, что ли? (смайл). Грек работает, а я его продолжаю мысленно прессовать, мол: «Давай, давай, шеф! Скорей ставь отметку в паспорте»! – Щёлк! – грек и вправду щёлкнул пальцем по клавише и на экране нарисовалась очередная дежурная заставка. (Компостер! Бери компостер!) – я буквально впился глазами в его кисть: (Ну, давай, давай!) Смотрю, офицер тянется рукой к компостеру... Клац! – мой разум отказывался верить, но только что на развороте моего новенького загранпаспорта победно отпечатался строгий четырёхугольный штампик прибытия!

– Пожалуйста! – перейдя на греческий, киприот дружелюбно протянул мне в окошко мой паспорт с вложенными в него турреквизитами. («Фу, блин!»)

Пересёкши условную разделительную черту, я не удержался, чтобы ещё раз не обернуться назад. Я посмотрел вслед уходящему греческому офицеру. Этот, похожий на большого чёрного ворона человек, можно сказать, только что своим поступком спас мне жизнь. Сначала это сделали четыре человека в России, а теперь, вот, он. Я в натуре не был закоренелым преступником и меня не разыскивали по Интерполу, так что он поступил правильно, этот грек, что по живому отсёк мой страх, навсегда оставив его болтаться в нескончаемо длинной и печальной очереди по ту сторону условной разделительной черты. В следующее мгновение ноги сами вынесли меня в багажное отделение, где по-

среди опустевшего зала, на пыльном мраморном полу, валялась моя невзрачная дорожная сумка. Свободен! Сколько дней, лет, в конце-концов, я ломал голову над этой шарадой! После моей сокрушительной депортации из Греции в конце двухтысячного года, я нёс колоссальные потери по всем фронтам. Я был убит, но почему-то выжил. Не такой как все, излишне талантливый, неостребованный, идеалист, романтик и раздолбай. Кем я не был ещё у себя на родине? Выйдя из здания аэропорта, я был зол и счастлив одновременно. Я, конечно же, помнил этот запах! Я пронёс его через три долгие и опасные зимы и даже убийственный запах стройки не смог уничтожить во мне этой памяти. Одетый не по сезону, практически без копейки денег, за пределом Сигма—пространства я остался совсем один и здесь мне больше не с кем делиться своим горем, радостью, или счастьем. Да, даже если и захочу, то всё равно хлеб останется хлебом, а деньги деньгами. Не имея ни того и ни другого, на Кипре мне предстояло начинать всё сначала и в этом тоже был свой определённый кайф. Жизнь может иметь осязаемые грани, особенно когда ты рискуешь. А человек это обычный набор финтифлюшек, которые либо делают его счастливым, либо несчастным. Под сводами этого бархатного кипрского шатра я срываю с себя последние ненавистные ярлыки, что остались ещё кое-где болтаться в моём сознании напоминанием о другой реальности, зловонно-безучастной, как гнойная яма. Правда статус мой сегодня несколько специфич-

чен в виду необычности той драмы, что разыгрывалась с моим участием на протяжении двух лет, как минимум. Да, я почти обычный турист, но с массой таинственных кодировок. В Москве дожди и дубак, а здесь жара. Мне в кайф наблюдать за этим матёрым жёлтым хищником, что прячется ещё кое-где в этих выгоревших от солнца кустах у дороги и в зелёной бахrome из пальмовых крон. Странно! Я не был никогда на Кипре, но здесь мне всё кажется таким родным и знакомым! А физика жизни и проста, и печальна. Творя объём, освещённый спереди объект, позади себя отбрасывает тень, так и день с ночью, так и чёрное с белым, так и горе и счастье, всегда стоят рядом друг с другом. Это и есть жизнь, чувак. Кстати! Похожие чувства, но только более четверти века тому назад, мне уже доводилось переживать однажды, когда я вместе с другими моими товарищами-демебелями стоял на дивизионном плацу в посёлке Бабстово, что под Биробиджаном, и под звуки марша «Прощание Славянки» ожидал своей посадки в отентованный «Урал», который вскоре должен был доставить нас всех в Хабару (Хабаровск), откуда уже литерным поездом я должен был ехать сначала в Москву, а из неё домой, в свой заполярный город Мурманск. Кипр ярок, но опасен, понимал я. Однако, это лучше, чем тащиться опять в Москву на какую-нибудь стройку под гипнотическим взглядом холодного удава. Но и участь нелегала тоже незавидная, скажу я вам. Всё дело в про и контра. Человека скорее кормят крайности, а никак не пассив-

ность и иждивенчество. Веди себя достойно и ты не пропадёшь! Когда уверен, что есть некое глобальное знание вещей и что оно равнодоступно для всех, то сразу приходит душевное успокоение. Выйдя на площадь перед аэровокзалом, скорей по привычке оборачиваюсь назад, я уже не боюсь, что за мной вдогонку бросятся люди Системы Ниппель. Я был уверен, что мой перелёт на Кипр был железно оправдан. Кипр не должен был отнимать, Кипр обещал работать в прибыль. А пока прут туристические льготы, моё сознание моментально включается в поиск трансфертного автобуса, так как он был заранее включён туроператором в стоимость моего билета. Да, забыл упомянуть один нюанс: Кипр сложился, потому что в две тысячи третьем году для россиян туда ещё не требовались визы. Так что если масть прёт, то прёт она конкретно. В России меня расплющило тотальной непрухой, мне подняться там уже не светит, только что-нибудь нарушая, только что-нибудь игнорируя, или вообще кладя на всё с прибором. Когда не имеешь возможности что-либо взять, так хотя бы можешь послать. Что я и делаю. Тем более, что не всегда посылая, теряешь. Часто в российской логике это приводит к обратному результату. Мне нравится изречение, что чтобы человек не делал, он это делает всё исключительно для бога. Поэтому есть богоугодные поступки, а есть голимый эгоизм, так называемое потреблядство. Кипр опасен, понимал я, но не опаснее, чем Москва. Ненавижу политику, но везде она. Триумвират сил, сложившийся

в России, антагонистичен по своей сути, но как ни парадоксально, он вполне отвечает чаяниям Империи. Высказываться открыто на сей счёт я не могу, лишь намекну: первое – это банковская система, мегапроекты федерального уровня и СМИ, следом идут «смотрящие» за Россией и, наконец, Армия, преимущественно укомплектованная русскими войсками – идеальный триумвират сил. Я и о некоторых других вещах, что понял сам, не могу сейчас говорить во всеуслышанье. Нам судьба дозреть каждому по отдельности, пока ноги до задницы не сотрём от дорог. Но преимущество моей позиции в том, что я здесь совершенно один, ни адресов у меня нет, ни конспиративных явок, а лишь сплошная импровизация. Так что вот так. Только я вышел к шоссе, как сразу заметил небольшую колонну туристических автобусов слева. Двигаюсь к ним, на всякий случай подавая водителю сигналы рукой. Да, похоже, что это наши извозчики. Подхожу ближе. На загорелых лицах встречающих нас киприотов из российско-кипрской туристической компании «Голден Бич», читаются неизменные в таких случаях восторг и недоумение. Или врождённая паранойя ко всему русскому? Тут же следует дежурный обмен любезностями, после чего мне показывают к какому конкретно автобусу мне следует идти. Подхожу к самому первому из них и через открытую дверь обращаюсь к водителю на греческом, мол, не он ли повезёт меня к отелю «Элеонора». Выясняется, что он.

– ОрЭэо! (Прекрасно!) – говорю ему, а он мне сразу в ответ.

– Апо пу ксЕрис эллиникА? ИсЭ мафИя рэ? (Чувак, откуда греческий знаешь? ты мафия, да?) («Ну, вот, опять! Словно никуда не уезжал! Снова «мафИя» и снова фривольная приставка «рэ» в фамильярном обращении на «ты»). Водитель автобуса, копчёный киприот, глядя на меня, весь лучится сарказмом. Что поделаешь, часто греки не испытывают тёплых чувств к представителям сильного пола из России (что в наше быстро содомизирующееся время не так уж и плохо!) и тут сносно шпрехать на «ихнем» не является таким уж и благом, как и мне поездить по ушам у него тоже не получится. Один-один, боевая ничья. Для греков мы все здесь «мафия»! Они только одни белые и пушистые. Впрочем, так ли уж киприоты тождественны «гордым эллинам», это мы и увидим вскоре. И всё же владение греческим позволило мне довольно быстро врубиться в здешнюю обстановку. Водитель-киприот, этакий смугло-смоляной гибрид, весь на понтах: по давно устоявшейся у них греко—туристической традиции с места в карьер флиртует со свежеприбывшими российскими туристками, а те с непривычки просто воском все исходят от таких авансов. Мне же проблемным туристом быть не хочется, да, видать, придётся. Только сегодня это обстоятельство больше развлекает меня, чем злит. Главное, что сегодня я опять оказываюсь в игре. So, what next? Три дня на поиски работы, а потом ситуация опять

начнёт ухудшаться? Я это уже проходил в Москве. Наверное, так, закрыв глаза и заткнув уши, человек сваливается в бездну. Сегодня я ещё могу позволить себе немного расслабиться, но уже начиная с завтрашнего утра, этого права у меня не будет. Часто неординарные поступки приводят к интересным результатам. Сегодня я могу сказать, что к вполне ожидаемым. Ну, что, в отель? Перебросив сумку через плечо, я поднялся по ступенькам в уже заполненный автобус и сразу стал искать глазами свободное место. Свободным оказалось единственное, сразу за водителем, но на нём уже лежала чья-то дамская сумочка, видать, пассажирки, вольготно расположившейся у окна и всячески создававшей вид, будто она меня в упор не видит.

– У вас не занято? – твёрдо спросил я, чётко артикулируя всем своим видом, что утвердительный ответ её меня категорически не устроит. Тётка была симпатичная, но отчаянно стервозная, такие спецом ошиваются по тёплым странам в поисках адреналиновых приключений. Дамочка нехотя стащила свою сумочку с моего законного места, какого-то хрена продолжая буровить меня недовольным взглядом. А мне было по фиг. Я уже расчехлился, полностью готовый как к разного рода компромиссам, так и к конфронтации. Добившись своего, я с удовольствием плюхнулся в кресло, сумку бросил в ноги, а голову откинул на высокую спинку сиденья. Вот только сейчас я понял, что могу наконец расслабиться. Я, конечно, помнил о том позорном этапе в сво-

ей жизни, когда единственной возможностью отдохнуть для меня были такие вот переезды, в поездах, в автобусах, в метро. Сейчас я впервые никуда не спешил. Целый день я могу лежать на кровати и ни хрена не делать. Но только я себя знаю: скорей всего, осмотревшись на месте, я тут же рвану в город на разведку. Вскоре автобус заурчал, словно кот, плавно тронулся с места и поплыл по чёрной дороге в ярко-жёлтой разметке, в сторону незнакомого мне пока города Ларнаки. Расплывшись телом в удобном кресле и закрыв глаза, я с блаженством вдохнул стойкий аромат женских духов и дезодорантов, это был ни с чем не сравнимый запах греческого дьякопи (отпуска, отдыха), располагавшего к балдежу и ненавязчиво просящего чаевых. Среди небедных пассажиров в автобусе я чувствовал себя человеком, которого помиловали прямо на эшафоте. Я поймал себя на мысли, что совершенно не запомнил ни одного лица, а, ведь, совсем недавно мы крутились в одном аэропорту? Мне компания моих соотечественников сейчас не представляется оптимальной и хорошо, что вскоре мы разъедемся все каждый по своим отелям. Кажется, я знаю почему мне так некомфортно среди них: да, нас действительно разделяет эшафот. Немного полетав под закрытыми веками, активируюсь опять. Соседка слева откинулась в кресле и изображает из себя дремотную. Вряд ли это её первый в жизни вояж за границу. Её возраст, внешность и поведение, говорят сами за себя. Мне же достаточно податься телом немного вправо, и – по-

жалте, обзор через лобовое стекло обеспечен! Я могу это делать, даже не отрывая своего затылка от подголовника кресла. И что мы видим? А видим мы пейзажик так себе. Может, это пока? Кругом, в основном, какая-то хилая растительность и выжженные холмы со стерней. И ещё солончаки и наша, одиноко петляющая среди них дорога. Я не был никогда в Израиле, но мне думается, что именно так должен выглядеть знаменитый сектор Газы. До обидного быстро покрыв расстояние от аэропорта до города Ларнака, едва влившись в городскую черту, наш синий неоплан принялся с филигранной точностью вписываться в невероятно узкие кипрские улочки. Казалось, ещё немного и он начнёт бортами карябать стены домов. А вот и пошли первые десантирования. Кто-то всё время выходит. Методично развозя туристов по их зарезервированным отелям с отельчиками, наш греческий водила всё больше погружался в себя. То же самое вскоре предстоит проделать и мне. Вот, кажется, есть у человека мегацель, он её достигает, а дальше что, пустота? Внешние картинки это одно, а вот внутреннее наполнение, это забота самого человека. У меня этих забот теперь будет выше крыши. Кажется, я начал догадываться, что мой отель, вероятно, самый отстойный из всех, раз он последний в списке. А по концовке выяснилось, что «Элеонора» был воткнут практически между других похожих зданий и находился в самом центре города на улице Гермеса. Это как у нас проспект Ленина, к примеру. Короче, к тому времени

из всех туристов нас осталось только трое, то есть я и ещё одна пожилая иностранная пара, кажется, австралийцы. Они тоже оказались соискателями трёхзвёздочного клоповника. За границей владеть иностранным языком это уже полдела. А тут, я слышал, помимо греческого ещё и англо-говорящая страна? По большому счёту, Кипр не должен слишком отличаться от Греции, но вот это как раз мне и предстоит выяснить в ближайшее время. А в ненавязчивой форме, так сказать, поиск работы у меня начнётся уже с сегодняшнего дня. Так что я был прав: моя неутомимая натура не позволит мне почивать на лаврах. Однако, не трудно догадаться, чем для спартанского тела чревато его возвращение в опасные сибаритские рамки. А моё тело это такой же оппортунист, ему только этикетку красивую покажи. Кипр, конечно, не проста, понимаю я, но Ларнака это, в сущности, такое же казино, где вместо игровых столов, рулеток и одноруких бандитов, замаскированы похожие капканы, не менее опасные и засасывающие. Да. Так вот, вылез я из автобуса, но кручусь на месте, а никакого отеля поблизости в упор не вижу. Разумеется, на стеклянную парадную я внимания никакого не обратил, уж больно непрезентабельно она выглядела. А водила в это время того, ударил по газам и был таков. Несколько раз по ошибке я выходил на задний двор, где судя по лондроматам, выстроившимся в ряд, располагалась чья-то частная прачечная, но спросить там было не у кого и я по-новой возвращался на улицу Гермеса, обескураженно

вертя головой по сторонам. В конце концов я плюнул на это дело, благоразумно решив прибегнуть к помощи случайных прохожих. И уже первый попавшийся мне на глаза киприот сразу указал мне на эту самую стеклянную парадную, бывшую на самом деле действующим входом в гостиницу. Оказывается, я дважды игнорировал его, стоя прямо напротив него. Пройдя внутрь, я, как и положено в таких случаях, сразу направился на «рисепшон». Приветливый портье, греко-киприот, без проблем зарегистрировал меня, после чего тут же дал мне ключи от номера. Надо сказать, что он сразу расположил меня к себе. Такое случается в жизни, типа, раз, и всё совпало. Тем более, что я сразу перешёл на греческий, а греки, вообще, не любят заморачиваться английским. Мы немного пообщались для приличия и я направился к лифту, так как мой номер находился на третьем этаже. Я специально это сделал, что на лифте поехал. Слишком долго я был лишён благ цивилизации. Вперёд, за всё уплачено! Пройдя по бесшумной ковровой дорожке до номера, я сунул свой жетон в замочный слот, замок еле слышно щёлкнул механизмом, дверь слегка отжалась и я услышал как автоматически включился кондиционер внутри. Уау! Тут было от чего охренеть! Целый двухместный номер на одного (московская туроператорша из офиса на Мясницкой, не обманула меня)! Кругом чистота и порядок! Что ещё нужно старому пирату! Кстати, номер был «студией»: слева располагалась открытая кухня, барная стойка, антресоли с посудой и прочим. А, ну,

что там с ванной и туалетом? Бросив сумку на пол, я пошёл отлить. Туалет с ванной оказались совмещёнными, но это было и не принципиально. Сука, и здесь всё путём! После Гольяново, рай да и только. Да, и грек на «рисепшоне» меня сразу обнадёжил, мол, горячей водой я могу пользоваться без ограничений! Всё это входит в стоимость туристической путёвки. Но кайфовал я недолго, так как жрать было абсолютно нечего. Выпить и покурить тоже. А семь долларов, смятыми валявшиеся у меня в кармане, могли только отсрочить мою агонию максимум на день. Я противоречу себе абсолютно во всём, поэтому не смотря на обещания, действовать решил сию же минуту: «раньше сядешь, раньше выйдешь». Быстро приняв душ и переодевшись, я снова спустился на лифте в фойе гостиницы и опять направился к стойке регистрации, где не более часа тому назад у меня состоялся небольшой ознакомительный разговор с портье. Всё же начинающим эмигрантом быть в чём-то выгоднее, так как нифиганезнание является не плохим стимулом для продвижения вперёд. Мне всегда нравились импровизация, интуитивизм, полагание на собственные древние инстинкты. Важно было пробудить всё это в себе, заставить работать с максимальной эффективностью. Спуску себе я решил не давать, тогда чистота эксперимента была бы близка к абсолюту. Остаток дня я планировал потратить хотя бы на знакомство с ближайшими окрестностями, но тащиться на паралию (греч.—набережную) у меня совершенно не бы-

ло никакого желания. Там всегда шумно и весело, там бабки льются рекой, а мне сегодня совсем не до праздников. Я уже упоминал вначале, что денег у меня с собою было только семь баксов. Я традиционно слаб был всегда в финансах, а тут меня обстоятельства сами вынудили заняться элементарными подсчётами. Интрига для меня пусть и небольшая, но сохранялась, в плане того, сколько же это будет в пересчёте на местную валюту? Пока буду искать работу, продержусь, или нет? Вот поэтому я к пожилому портье и решил обратиться. Мало ли, может, подскажет советом? Звали этого человека Христос, только с ударением на первом слоге. Словом, перед тем, как выйти в город, я сначала подошёл к его стойке, дождался, пока он останется один и, не наводя тень на плетень, сразу выложил ему всю правду-мать, мол, приехал сюда не как турист, а чтобы остаться. Соответственно, обращался я к Христосу исключительно на греческом, чем сразу вызвал у него неподдельное восхищение. Греки ярые националисты, это видно по их бело-голубым полосатым флагам с крестом, их можно видеть тут практически на каждом частном доме, в других общественных местах. Выслушал меня Христос спокойно. Кажется, мудрому Христосу было абсолютно до лампочки, собираюсь я оставаться на острове нелегально, или честно использовав свои двенадцать дней, незапятнанным туристом отбуду обратно к себе в Россию. Ещё я понял, что Христос был не против моего сверхурочного проживания в отеле, лишь бы мне было чем

платить за номер в будущем. Оно и понятно, выкладывая четверной и кантуйся дальше. Ладно, с этим мы почти разобрались, а теперь мне надо было как-то разменять свои баксы. Я, естественно, к Христосу. А он когда услышал, сколько я собираюсь обменять, то не смог сдержать своей улыбки. Мало того, он, видимо, решил меня добить совсем! «Андрэа! – говорит, – за семь баксов могу дать тебе три лиры с мелочью!» Я офигел! «Как же так, я ему даю целый доллар, а он мне всего четыреста тридцать центов за него подряжает?!» Понятно, что профита от такой сделки ему было бы никакого, но я просто психологически не был готов услышать от него такое! Хорошо, что я тогда не кинулся торговаться с ним, а то бы вообще облажался по-полной! Мама родная, как же деградировал я на своих стройках! В самом деле, откуда мне было знать, что кипрская валюта в те годы была вдвое крепче европейской и американской! Короче, выслушав доводы Христа, я всё же решил разобраться во всём лично, ибо, наивные и доверчивые они же и самые подозрительные в итоге. Походя обсудив с Христом всевозможные варианты пролонгации моего специфического пребывания на Кипре, далее я справился у него о ближайшем отделении банка, либо об обменном пункте, где бы я мог разменять свои позорные семь баксов. Христос сказал, что уже поздно, что все банки закрыты, разве что в каком-нибудь ночном перИптере* (перИптер- небольшой магазинчик, мини-маркет)? Периптере? Пожалуй. На том и сошлись. Я вышел

из отеля на улицу и словно сразу погрузился в nirвану! Надо сказать, что климат здешний действует на организм просто фантастически! Час назад еле ноги волочил, а сейчас вот, иду и кайфую! Всё-таки разница между Кипром и Грецией здесь слегка ощущается. Вроде бы и воздух тут немного другой, более сухой и жаркий, и растительность не такая сочная, если не сказать, что её я пока в упор не видел. И настрой у меня сейчас другой тоже. Заметно вечереет. Небо варёной сгущёнкой стекает на стены домов, Ларнака вся в оранжевом подмалёвке готовится окончательно погрузиться в томный вечер. Сам город без изысков, но что-то в нём есть такое, что не может не нравиться. Можно сказать, что Кипр встретил меня не плохо. В любом случае, я смотрю на всё без иллюзий. И даже если мне по каким-либо причинам зацепиться в Ларнаке не удастся, то тогда я съеду из «Элеоноры» на день-два раньше положенного срока, возьму посох в руки и пойду на все четыре стороны. Роль пилигрима я ещё на себя не примеривал. Оказавшись на улице, я сразу попытался запомнить своё местоположение, но сделать это оказалось не просто, так как мой отель полностью сливался с соседними зданиями, как только я отходил от него на несколько метров в сторону. А единственным отличительным признаком гостиницы был узкий вертикальный баннер с блёклыми серо-голубыми буквами, расположенными одна над другой. Сразу же делаю поправку на то, что продвинутых смартфонов с айфонами тогда не было, а кипрские курортные горо-

да изначально не рассчитаны на таких залётных нищевородов, как я. Впрочем, и горевал я не долго. Выбрав правостороннее направление, я без комплексов двинул по улице вниз, обязав лишь себя почаще оглядываться назад и стараясь запомнить хотя бы что-то из ярких вывесок, или названий магазинов и аптек. Но и это оказалось делом безнадёжным. Тогда я стал записывать их в блокнот, но малоговорящие названия «Роллини», «Фармакио», «Памборис Спортс», «Файнесс» и прочие, вконец запутали меня и тогда я окончательно плюнул на всё, полностью доверившись своим ногам. Улица Гермеса в Ларнаке была центральной, поэтому слева и справа от дороги нескончаемой чередой шли бутики, мини и супермаркеты, а так же кафешки, сувладзИрии (шаурмы). Отвязавшись от метафоричной коновязи, не сдерживаемый более никем и ничем, я смело рванул в город. Я шёл по тротуару и глазел на витрины, а те кричали, раскрыв стеклянные пасти, я же с упоением вчитывался в знакомые слова «просфорА», «просфорЕс тимЕс», «иникиАзетэ», что означало сезонные скидки на товары, либо сдачи в аренду помещений. Гениальностью по умолчанию, вот чем была для меня всегда подобная обстановка. Стемнело быстро, как это обычно случается в южных городах, а на смену переспелому рыжему солнцу пришла затейливая рекламная подсветка, улица вся вспыхнула сразу, замельтешили вокруг неоновые брызги казино. Вечерний город, как стеклянный лабиринт, весь сверкал огнями и был насквозь пронизан дымком от жа-

ренных каштанов, мяса и рыбы. Здесь почти за каждым углом подвисал кулинарный джинн, свитый из этих запахов, красок, невиданных ощущений. Да, именно это и делало Ларнаку такой по-гречески узнаваемой и комфортной. Как же можно сидеть и страдать в отеле, когда вокруг творится такое! Идя по центральной улице, я дал себе установку никуда не сворачивать. «Дойду до первого серьёзного дорожного отклонения, а там видно будет!» – решил я. Меня больше всего сейчас интересовали банки и периптеры, а не бары и казино. Город Ларнака, безусловно, был полностью заточен под туристов, здесь другим не место. Ларнаку я бы сравнил с деревенской девчонкой: такая же простоватая с виду, но сделана добротнo и с характером упрямым, не думай, что за секунду сможешь утащить её на сеновал. Москва, к примеру, или Питер, это огромные жернова, публика в них откалибрована под конкретный запрос и практически не эмпатична. А Ларнака хитрая, прикидывается простушкой, но не такая. Вовсе я не напрашиваюсь к кому-либо в друзья, просто мегаполис есть мегаполис, а маленькие города добродушны. Иду по улице и не могу отделаться от впечатления, что подспудно сравниваю Кипр с Грецией. Да, здесь много похожего с метрополией, но именно похожего. Киприоты же, как мне показалось, более приветливые и, в принципе, Ларнака эклектичный город. Здесь, не смотря на кажущийся примитивизм в архитектуре, всё же ощущается определённый средиземноморский лоск и печать сытости лежит практиче-

ски на каждом предмете. Опять же в городе много культовых зданий, каких-то древних сооружений. Тут даже асфальт пахнет ладаном. Я, вероятно, пристрастен, но Ларнака мне зашла. Причём, сразу. Я верно угадал с исходными данными; дикая моральная и физическая усталость, вопиющий диссонанс между той осенью и этой... даже возраст – сорок три. Я шёл и млел от счастья, не позволяя себе закрыть глаза, дабы не врезаться лбом в фонарный столб. Чем дальше я отходил от отеля, тем меньше людей мне попадалось навстречу. В основном это были возрастные парочки, либо подвыпившие одиночки, вероятно, так же как и я, прибывшие сюда для временного разговения. Кажется, один раз мне даже встретились пьяные славяне (трудно было сказать навскидку, откуда именно), на них был минимум одежды, только цветной трусняк и «вьетнамки» на босу ногу, а их весёлое ржание перемежалось сочной матерной лексикой. Оба самца были красные и потные и каждый держал в руке по бутылке то ли вискаря, то ли конины. Похоже, ребята бегали за добавкой, а жили тоже где-нибудь поблизости в одном из отелей, вроде моего, трёхзвёздочного. Признаюсь честно, я поглядывал на них с чёрной завистью! Для меня это было почти невыносимым испытанием духа! По известным причинам, я бы сейчас тоже не отказался от стаканчика спиртного. На первый взгляд, Ларнака вела себя учтиво, собираясь денежки твои выудить красиво, без голимого криминала и мне было даже немного неловко оттого, что я никак не реагирую

на её бесконечные подмигивания и красноречивую жестикуляцию. Как же признаться ей в том, что никакой я не турист, а самый что ни на есть раздолбай и неудачник? Семь баксов умножаем на четыреста тридцать кипрских центов по курсу и получаем три кипрские лиры и десять центов (забегая вперёд скажу, что на эти деньги можно было купить одну кипрскую сувлаку (шаурму) и бутылку пива впридачу, точка). То что меня на Кипре никто не ждёт, это я уяснил себе ещё по Греции. Хотя, нет, вру! В Греции я хотя бы ещё на что-то надеялся. А тут решил дурью не маяться. Отягчающий фактор и дополнительные риски это то, что я прилетел сюда активно курящим и спонтанно попивающим человеком. А мир так устроен, что если не будешь ни с кем делиться, то можешь поперхнуться собственным эгоизмом. Я понимаю, что немного увлёкся этой вечерней прогулкой, так как мне требовалось оставить немного силёнок и прозапас, а потому решаю дойти до первого попавшегося на глаза ночного периптера, где мне, возможно, удастся купить себе что-нибудь пожрать, после чего я сразу же поверну обратно в отель. А вот далее город практически опустел. В идеале, мне бы сейчас пару бутылок пива, пачку сигарет и в номер, но есть одно «но», нужно растянуть нерастягиваемое. Останавливаюсь и осматриваюсь вокруг, мне кажется, что я свернул куда-то не туда, тут даже и уличное освещение стало каким-то более ущербным? Город медленно остывает после дневной жары, сплошные хрономиражи кругом. Доба-

вить немного фантазии и сразу можно услышать запах человеческого и лошадиного пота, а наверху, под самым куполом, ещё раскачиваются опустевшие трапеции. Цирк укладывается спать. Классический турист это тот, кто прибыл сюда с деньгами на отдых и цель его не конкретна. Я же предпочитаю экспромт. Что будет дальше? Попробуем смоделировать ситуацию. Итак: я, скорей всего, остаток дня буду маяться от безделья, а они, приняв душ и немного на грудь, в обстановке лёгкого алкогольного помешательства попарно разбредутся по станкам, чтобы заняться сексом. Это в идеале, конечно. Гребу по улице Гермес, кручу-верчу башкой. Ага! Вот впереди замаячил большой трёхсторонний перекрёсток, а с левой стороны от него, через дорогу, искомый мною периптер, его традиционную красно-белую подсветку вечером видно издалека. Но едва я собрался перейти дорогу, как тут же получаю по ушам порцией матерной русской речи, произнесённой кем-то с явным кавказским акцентом. К гадалке не ходи, сделано это было нарочно, дабы привлечь моё внимание. Своего добились. Романтическое настроение у меня сразу как ветром сдуло. Поворачиваю голову на звук и, действительно, вижу на скамейке троих «чёрных», с виду простые работяги, а кто конкретно по национальности, хрен поймёшь. Да мне оно и без надобности. Пока. Я, ведь, знаю, почему СССР распался! Скрестили жабу с трепетной ланью... Вменяемые отношения между нами почили в бозе, аминь! А эти и впрямь смотрят на меня не по-добро-

му, провоцируют на зеркальный ответ. Мне достаточно было удостоить всех полувзглядом, чтобы констатировать: ребята слегка пьяны. А, может, и не слегка. У меня нет такой установки, чтобы реагировать на всякую херню, поэтому я просто ускоряю шаг. Не исключено, что в скором времени и я вот так же буду сидеть где-нибудь в скверике на лавочке и хлебать своё винцо из «тетрапака». И, как говорится, чтобы оно у меня было. В последствии, мне ещё не раз предстоит столкнуться в Ларнаке с проявлением в отношении себя даже ещё более жёсткой враждебности, именно как к этническому русскому. Союз распался, да здравствует Союз! Пофиг. Боясь не успеть до закрытия магазинчика, грубо игнорирую пешеходный переход со светоотражающей «зеброй» на заёрзанном до блеска асфальте и решительно пересекаю дорогу наискосок за несколько метров до него, благо машин в городе почти не видно. И чтобы ещё раз зафиксировать свои координаты, оборачиваюсь назад, в этом месте улица Гермеса резко теряется за домами справа. Найти дорогу назад будет для меня не проблема, у меня определён-но талант самонаводящейся головки! (смайл). Открыв дверь, захожу внутрь и прямо с порога ночной колокольчик приветствует меня нежным треньканьем. Не успел пересечь порог, а струи невидимых, но достаточно сильных кондиционеров сразу стали подталкивать меня в спину, прямо к прилавкам со всевозможной снедью. В плане посетителей магазинчик был совершенно пуст, но мне это было только на руку сей-

час. Преодолев некоторую неловкость, я прошёл вглубь магазина, в это время голова моя вертелась, словно молельный барабан в храме Будды. Кажется, ассортимент здесь не менялся последние лет сто! Это китайский ширпотреб, в основном. Себя не обманешь, глаза тут же впериваются в прилавки со спиртным. А вот и само пиво «КЕО», вживую, так сказать! Это его этикетку я сегодня разглядывал на баннере в аэропорту Ларнаки, когда настроение моё было ниже плинтуса! На хозяина периптера я наткнулся не сразу, видимо, чувак наблюдал за мной посредством камер визуального наблюдения из своего укромного местечка за маленькой откидной стойкой в дальнем углу магазина.

– КалиспЭра сас! (Добрый вечер!) – бодро поприветствовал я его.

– КалиспЭра! – устало ответил продавец, мне показалось, что его глаза блеснули холодной подозрительностью. Наверняка, этот ушлый киприот не признал во мне своего потенциального покупателя. Я машинально стрельнул глазами вправо, где вместо привычной витрины с заиндевевшими трубами внутри, почти у самого пола, располагался специально оборудованный поддон с мощным криогенным поддувом, а на нём, садистски подсвеченные яркой синеватой подсветкой, похожей на ультрафиолет, тремя шеренгами теснились бутылки с пивом. Многозначительно перехватив мой взгляд, продавец сочувственно улыбнулся мне, а я, застигнутый врасплох, стоял и мучительно складывал в уме, сколь-

ко же это будет дважды два. Надо сказать, что цифра «восемьдесят» на ценнике дезориентировала меня окончательно. В общем, ничего удивительного, так как Перельман из меня был всегда никудышный, а обратиться за помощью к греку я так и не отважился. Бутылки с пивом действовали на меня почти гипнотически, синергетическое сочетание объективного цвета и недоступного вкуса вогнало меня в такой ступор, что я так и не смог выбрать между хлебом, солью, или пивом. Я стоял, как баран, тупо уставившись на киприота, будто примеривал ещё на себя возможность остаться здесь нелегально. «Значит, Христос всё же был прав? Ни хрена себе, здесь цены!» Не зная, как свалить из магазина с наименьшими для себя репутационными потерями, для вида я ещё о чём-то спрашивал у греческого продавца, а он, поначалу отреагировавший на мой поздний визит хотя бы с ритуальным снисхождением, теперь уж совсем как-то недобро поблёскивал на меня своими колючими тараканьими глазками. Ни ему, ни мне, увы, сейчас не светило закрыть свой гештальт. Вот тебе, пожалуйста, урок тридцать третий: – «При движении к духовной составляющей, контроль над её материальной частью чаще бывает просто невозможен!» Всё. На сегодня с меня было довольно прений. Пустым вернувшись в отель, в фойе я ещё раз стрельнул сигаретку у добряка Христоса и, нарочно отказавшись от лифта, на этот раз пешком поднялся к себе в номер по узкой кружной лестнице, привычно отделанной белым мрамором в серых прожил-

ках. Но концепция моя работала, а согласно ей, псевдоник* не был ещё активирован, его только собирались ещё включить. Ввалившись из кипрской парной в свои прохладные чертоги, я впервые за три года без утомительной оглядки на прессингующие обстоятельства смог, наконец, спокойно воспользоваться благами цивилизации на выбор: кондиционер, ванна и чашечка кофе. Ну, про кофе с ванной я, конечно, напрасно загнул, ибо, с этим у меня дела обстояли как раз не ахти. Зато, питьевой воды в кране было точно завались! «Ничего! – успокоил я себя. – Зато, теперь у меня есть свой номер, сигарета и куча свободного времени! Мигом раздевшись до плавок, первым делом я подкурил медовую сигаретку, взял в руки пульт и стал наугад давить на кнопки. Из программ мне ничего не заходило, так как моя основная мотивация к действиям напрочь перекрывала эту несущественную информационную возню. Мне моё новое состояние нравилось, жаль, жены рядом не было, а то бы мы с ней обновили сейчас сей заграничный текстиль! До фильтра досмолив сигарету, я придавил её в пепельнице и, всячески отгоняя от себя навязчивые мысли о еде и о доме, снова взял в руки пульт и стал по-новой перебирать программами, на канале РТР в это время как раз начинался фильм «Спецназ».

*Псевдоник – человек синтетический, прототип карающей десницы.

Глава 3

«Куплет третий»

А разницы, между прочим, нет почти никакой и качество жизни от этого не меняется, ел ли ты вчера холодную осетрину, или только курил натошак стрельнутую у кого-то сигарету. Всё это так, безусловно. Но если ты по-прежнему жив и свободен, то ничто не мешает тебе выстроить этот мир под себя. Признаюсь, для меня было немного странным проснуться на следующий день не там, где я обычно засыпал. Проснувшись, я слышу чужую речь, доносящуюся со двора, но после почти трёхлетнего пребывания в Греции греческий язык стал для меня почти родным. Приведение себя в чувство было стопроцентно осознанным, ибо, так ценить свободу может только тот, кто когда-то был категорически несвободен. Мир просыпается как бы сам по себе, но если ты просыпаясь вместе с ним, то и слава богу. Валяясь в крахмальной постельке, я ни на миг не забываю о том, что мина с часовым механизмом давно тикает у меня в голове. Я истинно русский человек и запрягать я сегодня буду долго, ведь, скакать мне по Кипру придётся очень ходко. Не спеша собираясь с мыслями, из этой чистой шуршащей постели я намерен не вылезать как можно дольше, но одними из первых, что посетили меня мысли, были мысли о семье. Мы

ещё никогда не были так далеко друг от друга. Анализируя ситуацию, прихожу к выводу, что избавляясь от одних напастей, ты автоматически наживаешь себе новые. Но в том что проснувшись, я слышу за окном не родные российские голоса, а иностранные, в этом тоже есть определённая закономерность. Взаимозависимость этого мира забавляет меня. Мне на сегодняшний день сорок три с гаком и родился я не здесь, но что-то уже роднит меня с этим островом. Что? Что я почти что слово в слово понимаю о чём болтают киприоты во внутреннем дворе отеля? Ситуация забавная: какая-то женщина пытается послать (своего мужа?) в прачечную, чтобы тот тотчас же пошёл и проверил работу стиральных аппаратов, но мужик отчего-то кобенится и вот они яростно спорят меж собою, в том числе прибегая к ненормативной лексике. Вот тебе и первое совмещение Греции с Кипром! (смайл). А вот, кажется, мама общается с дочкой; девочка всё время капризничает и та пытается её утешить, обманным путём уговаривая её съесть что-нибудь вкусненькое, или же пойти поиграть с бабушкой в пехниИди (греч. – Игрушки). Девчушка не слушается и тогда уже мудрая греческая бабушка, приняв эстафету от мамы, с удвоенной силой берётся ублажать разбалованное дитя. Да, кстати! В Греции я ни разу не слышал плачущих детей! А вот эту хнычущую кроху, наверняка, слишком рано вывели на солнце, вот ей и неймётся. Прислушиваясь к этому странному звуковому фону за окном, который скорей успокаивает меня, я

лениво потягиваюсь в постели, а сам с опаской поглядываю на ту часть окна с раздёрнутой шторой, что так необдуманно оставил вчера вечером в таком положении, когда в последний раз перед сном с хабчиком от сигареты выходил покурить на балкон. Солнце на Кипре убийственное и если ты хочешь быть поджаренным по утру в своей собственной постели, то тогда делай как я. Нехотя покидаю своё лежбище, чтобы задёрнуть штору. Повторюсь, у меня двухместный номер на одного и одна моя полуторка стоит у окна, а другая ближе к дверям. Так вот, я намерен использовать сразу обе. Актуальным это станет тогда, когда от жары здесь некуда будет спрятаться. Промаявшись какое-то время на одной, позже я могу перебраться туда, где более прохладней. Бодренько запрыгиваю на шконку снова, но, нет, долго лежать в постели опасно, местный климат действует на молодой мужской организм похлеще любой «Виагры». Сегодня я ещё могу позволить себе лишние десять минут для лени, но не больше. Я невероятно мотивирован, но чтобы чувствовать себя в тонусе, я должен немедленно освежиться под душем. С собою теперь повсюду в голове я ношу девяностый псалом, который вызубрил когда-то, подкалымливая в церкви Успения, в Казачей Слободе, в Москве, на Малой Полянке. Стоя под душем, я специально долго лью на себя дороженную кипрскую воду, в чём тоже замечен определённый вызов обстоятельствам. Когда-то я и этого был лишён. Хочешь добиться чего-то серьёзного в жизни, поступай в разрез общепринятому

общественному мнению. Ничего не имею против людей системы; государственники есть, они нужны и их подавляющее большинство. Я их поздравляю с этим. Но не каждому повезёт быть слугой государевым. Если же ты взвалил на себя функции человека, всё время подбирающего за другими, то тебя и бомжи отвадят от своей помойки. Я всегда старался не конфликтовать с законом, но, похоже, я вновь собираюсь проделать то, чего не позволено Юпитеру. Свой вчерашний день, пятое октября две тысячи третьего года, я ещё не вправе считать знаковым, так как две трети его были отравлены старым ядом. Но, чёрт возьми, сегодня, разве, не шестое число? Закончив с тональным душем и наскоро позавтракав кипячёной водой из чайника, я шустро собрался в город для поисков работы. В Греции поиск работы, это уже часть работы. Я теперь каждое утро буду спускаться с третьего этажа на лифте, в пику моему бывшему квартирному в Гольяново, подобный образ жизни должен будет сформировать в моём сознании и новые ценности. Вот двери лифта распахиваются и я бодро выкатываюсь на бурый ковролин холла. Христа на месте нет, вероятно, он уже сменился давно. Вместо него на вахту заступил другой киприот. Этот крайне неулыбчив, толстый, в движениях видна какая-то нервозность. Для таких исполнение их служебных обязанностей обычно выше разных там туристических соплей. Ларнака это не просто город, а в своём роде чистый лист бумаги. Достаточно посмотреть на залитую солнцем парадную дверь в гостинице, что-

бы понять, что это не дверь на самом деле, а секундомер, запущенный в том числе и при моём непосредственном участии. Всё, сынок, время пошло! Несколько метров фойе это есть последняя призрачная грань, что отделяет мою мечту о будущем и тем, что уже давно отлажено карательно-поощрительной общественной системой. Я охотник, который вышел на промысловую тропу, задолго до меня проторенную моими одержимыми предшественниками. Может быть, кто-то из них был более удачливым, чем я? Всё сегодня впервые, поэтому попробую не накосячить. Утренняя Ларнака хороша той особенной туристической красотой, когда просто идти по городу это уже великое счастье. Вчера я плавился в депрессии, а сегодня иду, глядя в эйфории на всё это средиземноморское великолепие. Здесь даже сама мысль о том, что человеку нужно как-то выживать, кажется мне кошунственной. Но Ларнаке меня не обмануть, потому что в азартные игры я не играю принципиально. Ларнака это рай, но пока лишь выставочный образец для тех, кто не в теме. Буду вникать. Важно не сойти с ума от изобилия, которое будет щипать меня за икры. О, да! Одна из самых радикальных мер воздействия на психику человека, это отнятие у него денег через искушение едой. Я не раз в шутку заявлял, что чтобы стать богатым, достаточно просто не есть. Но как только Ларнака перестанет предлагать себя в виде тех или иных услуг, то она тут же погибнет, как погибла однажды Помпея от пирокластического удушья. Жаль, что я не принадлежу

пока к тому высокоразвитому типу людей, которые пробавляются исключительно духовным. В детстве я был обычным советским ребёнком, которого так же пугали мои опекуны, что, мол, если я не буду хорошо кушать, то больше не вырасту! И вот, я вырос, а вместе со мной эволюционировал и мой желудок, глазами которого я теперь уныло стреляю по лоткам с продовольствием и даже свежевывловленная рыба в кусочках льда на противнях, и та не смущает меня своей кулинарной незавершённой. Готовый оттяпать всё что жуётся, между тем я понимаю, что путь к столу, заставленному едой, сегодня у меня пролегает через как минимум восьмичасовую пропасть. По афинскому опыту знаю, что в прилизанном центре ловить особенно нечего, поэтому сегодня я всё же спущусь сначала к набережной, поближе к общепиту, так сказать. Да, на Кипре много чего похожего с Афинами, но только здесь более по-деревенски всё. В принципе, те же магазинчики кругом, лавочки и кафенки, много таверн, обычных и специализированных рыбных, много кафешек на свежем воздухе, со столами и стульями, выставленными прямо у дороги. Отчего-то мне опять пришёл на ум, но теперь уже сюжет из блокбастера «Белое солнце пустыни», где три аксакала недвижно сидели под дувалом, а другой лежал перед ними и дремал. (смайл) Невозможность изменить что-либо вне себя, рикошетом бьёт по тебе самому. Да, импровизация, но при наличии стратегической цели: для чего, зачем. Человек это высокоточная ракета и если она сби-

вается с курса, то может угодить куда угодно. Моя цель? Пока не скажу. Вообще-то, у меня их несколько. И в этом плане я должен превзойти самого себя. Иду, полагаясь на звериное чутьё, а мой нос сейчас тонко улавливает нюансы, говорящие в пользу того, что я медленно, но уверенно продвигаюсь к морю. Почти сразу попадаю в старую часть города, сплошь состоящую из бело-синих мазанок, только с плоскими бетонными крышами, а не в виде гуцульских шапок. На многих домах штукатурка давно обвалилась, но, похоже, что самим киприотам это всё по фигу. Без конца петляющие узкие улочки мгновенно подхватывают меня и несут словно речной поток, беззвучно, в полном умиротворении. Физиотерапия с первого дня. Таким старым средиземноморским улочкам, тихим по своей природе и истёртым временем, очень свойственно оканчиваться тупиком, либо выныривать в самых неожиданных местах, вроде абсолютно неустроенной набережной. Так оно вышло и на сей раз. Я шёл, совершенно не парясь, в какую часть города вынесут меня мои ноги. У паралиИи (набережной) обычно воздух свеж и вкусен, рядом слышится успокаивающий шум волн, а автомобильные и мотоциклетные шумы, как дополнительная опция к курортному настроению. Море было где-то рядом, морем был пропитан воздух и даже в безветрие, при абсолютной жаре, дыхание его ощущалось мощно, проникая в кровь, в само сознание. Но каким бы мощным ни был зверь морской, а умопомрачительные кулинарные запахи, зарождавшиеся в недрах таверн, бы-

ли не менее навязчивы. Казалось, они источаются отовсюду, в том числе из морской купели. Кстати, за то время, что я здесь нахожусь, запах жареного мяса скрутил мои внутренности жгутом. Как у меня ещё заворот кишок не случился, не понятно. Я свою незаконную эмиграцию теперь рассматриваю как разновидность профессионального спорта, либо меня следует причислить к гражданскому спецназу. А греческий, которым я владею, это своего рода бонус, который Кипр мне выдал авансом. Обогнув последний домик, вместо привычного поворота или тупичка, я сразу уткнулся в параллелию, за ней, всего в метрах пяти-шести, плескалось оно, Его Величество Море. Причём, это был участок дикого берега, практически не оборудованный ничем, только метрах в семи от него ещё виднелись обросшие зелёной слизью бетонные балки, вероятно, это были огрызки старого пирса. Между морем и жилыми домами пролегалo небольшое шоссе, по которому время от времени проносились машины и мотоциклы, потом шёл неглубокий обрывчик, а сразу за ним тянулась узкая полоска земли, забросанная галькой вперемешку с водорослями. В общем, это место было мало похоже на пляж. Чтобы случайно не быть сбитым летящим автомобилем, я с предусмотрительной осторожностью выглянул из проулка, убедился, что дорога свободна, после чего быстрым шагом пересёк узкое шоссе. С морями у меня особые отношения, что с Баренцевым, что с Эгейским, что теперь вот с этим, пока малознакомым мне товарищем. Вплотную подойдя к мо-

рю, я привычно поприветствовал его: – «Здравствуй, морюшко!» Затем, до запястья погрузив пятерню в воду, растопыренной ладонью коснулся прохладного песка на дне. Весело шурясь на солнце, я смотрю за синеющий горизонт, там, вероятно, должны находиться Сирия с Израилем? Не могу взять себе в толк, отчего мне дольше двенадцати дней, что указаны в паспорте, на Кипре находиться нельзя? Это же каким надо умным быть, чёрт возьми, чтобы, поимев кучу денег, не думать потом ни о чём? Плевать на законы, летать на чём и куда хочешь, жить там, где нравится и не мучить себя дурацкими вопросами про справедливость? Ритуально обмазав морской водой открытые участки тела, я ещё какое-то время сижу на корточках, любуясь безбрежным горизонтом. Море это символ того, что из себя представляю я сам. Здесь всё объединено в одно: пространство, мощь, эстетическое восприятие момента. Море вело себя шало, оно то накатывало на берег длинной волной, то с шумом и брызгами ударялось о балки, порывы ветра тут же подхватывали их и они феерическим фонтаном осыпались на проезжую часть дороги, часто достигая аж противоположной стены дома. Я представил себе, что здесь должно было твориться зимой во время традиционных штормов. Как там у Бродского: «Куда поскачем, конь крылатый»? Я посмотрел в обе стороны, слева от меня метрах в тридцати, возвышался древний каменный форт в виде прямоугольной башни в центре, а возле него, на специально обустроенной площадке, стояли

немногочисленные авто с мотоциклами. Тут же совсем рядом публика купалась и загорала. А вот справа от меня ситуация была абсолютно безнадёжной, там возвышались только «звездатые» отели, не в пример моей «Элеоноре». Поэтому я решил идти к форту. Поскольку пляж здесь оказался бесплатным, то я решил заодно и искупнуться. Но процедуру эту я исполнял скорей принудительно, так как в отличие от Афин отношение к здешнему раю у меня было несколько иным. Поводов для веселья было и впрямь немного. Во-первых, девчонки мои где-то там, среди осенних дождей в Белоруссии, а сам я, гражданин великой страны, вынужден опять искать счастья на чужбине. Эта двойственность сознания выматывает меня, но себя не переделаешь. Зато, у меня имеется одно неоспоримое преимущество: в состоянии чистого листа я никогда не иду в притоны и я никогда не ищу места массового скопления «бывших наших» под флагом неудавшейся эмиграции. И я ни удочки не прошу для себя, ни рыбу. Мне достаточно знать, что в этой стране есть море. Едва обсохнув, я опять влезаю в неудобную шмотку и уныло подтягиваюсь к дороге. Я ещё не потратил ни цента из семи баксов, всё чего-то тяну резину и это моему организму очень не нравится. Как я только не пытаюсь изловчиться, чтобы совсем не думать о еде. Город разглядывать мало помогает, да он и главный провокатор насчёт поесть. Но вот что интересно, на Кипре вместо привычных по Греции названий поликатикИй (греч.—многоэтажек), я то и дело встречаю таблич-

ки на домах, на которых написано «Court». Я сначала подумал, что это «суд» тут у них везде, но потом пристыдил себя за незнание местных веяний. И ещё, часто следует приписка «Цокосс» внизу под номером. Думаю, что это у них строительный бренд такой, как в Америке «авеню». Напрасно я пытаюсь изображать из себя наивного натуралиста, наметанный глаз не обманешь, слишком много аналогий обнаруживается с тем, что я когда-то видел в Греции. С вязкого пляжа выбравшись кое-как на обочину дороги, решаю по ней идти направо, но с таким расчётом, чтобы не слишком отдаляться от центра. Уф, ну и жарища же здесь! Я только сейчас это осознал! Можно сказать, что кругом всё бело от жары! Даже дома, дорога, деревья, словом, всё что делает город городом, погружено в это расплавленное полупрозрачное стекло. Нет, я бы даже сказал, что вся Ларнака с головы до пят влипла в огромную каплю смолы. Пройдут столетия и кто-то тоже будет с огромным любопытством разглядывать нас в этом застывшем мегалите из янтаря. Из-за жары моё недавнее омоложение в море начало выходить мне боком. Непромытая морская соль абразивом трётся у меня в самых неподобающих местах, смешиваясь с нею, пот склизкой кашей растекается под тканью одежды. Жесть! Надо, надо срочно искать работу! Миную один отелище, за ним другой... Набережная тянется долго, кажется, нет ей конца и края. Вот небольшое пространство, не занятое ничем, в промежутке между строениями видно море и всё это время мимо меня проносятся ав-

томобили, ревут мотоциклы. Городской воздух представляет собой невообразимый микс. А вот опять пошли кафешки, рестораны, какие-то забегаловки... Признаться честно, я бы сейчас согласился на любую грязную работу, лишь бы оказаться поближе к разделочным столам. Я сейчас испытываю синдром марафонца, когда большая часть дистанции преодолена и виден финиш, а сил уже нет. Жара, жажда, рашпилем дерущая горло, всё более обостряющееся чувство голода, моё сердце молотит как умалишённое, но странно, что чувствую я себя при этом вполне на уровне? Нет, не верьте моим соплям, я жару обожаю! В принципе, мне уже сейчас есть чем ответить на этот вызов, но я по-новой беру свою волю в кулак и вместо вожделенного пива покупаю себе две банки датской содовой, по пятьдесят центов за каждую, а это минус одна лира, или фунт, или паунд. Итого: долой два бакса от семи. Остаётся пятаха. Трудно выразить словами, что чувствует человек, в жажду дорвавшийся до воды! А от газировки, когда ты находишься на самом пике воздержания, эффект увеличивается многократно. С коротким псыком взломав запотевшую жестянку, пью, не скрывая блаженства. Ледяная вода щиплет горло, автоматически подтягивая жареные мозги к нёбу. Конечно, компенсация от ледяного пива была бы сейчас куда более существенной, но я пока не могу позволить себе бутылку «КЕО» за 80 центов, так как мне надо растянуть мои деньги хотя бы на три дня. Если позволил завалить себя проблемами, сам виноват. Тут

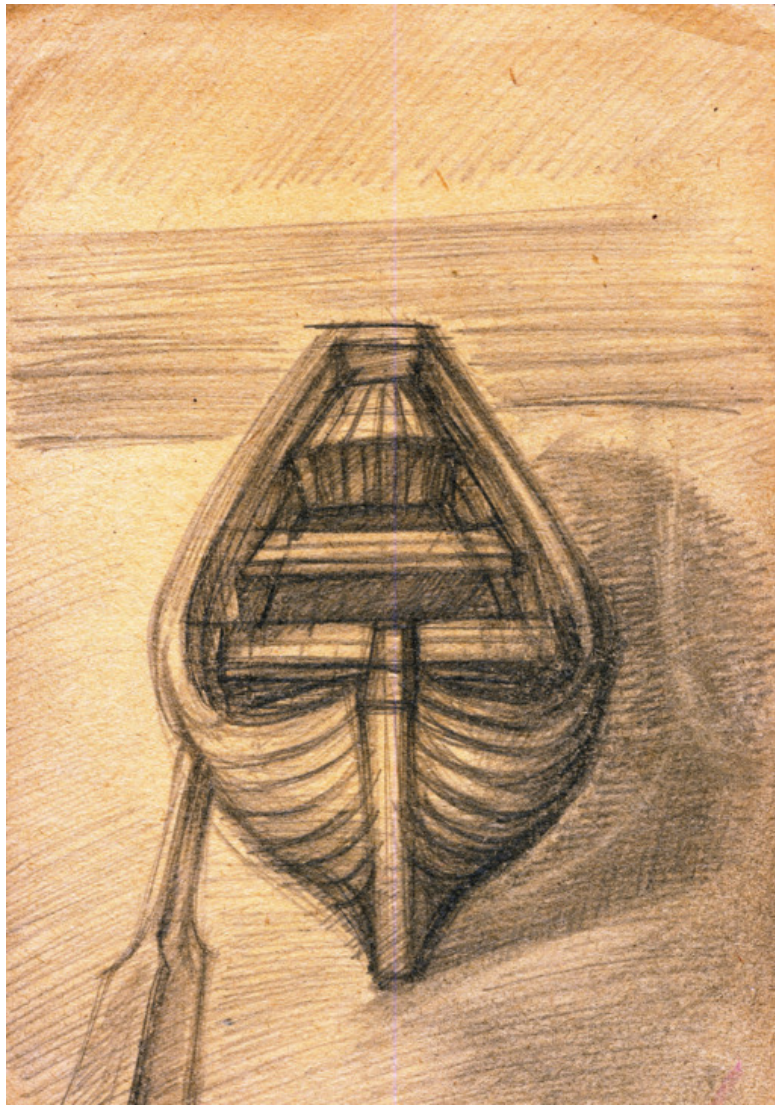
нужны воля, характер, чтобы вырвать себя из ада. Я отлично помню наш с матушкой-игуменьей разговор в церкви Успения, в Казачьей Слободе, в Москве. И что же она сказала мне по поводу моего планируемого отъезда за границу? Я ей честно историю свою поведал, мол, не получается у меня никак вырваться из порочного круга, мол, одна напасть следует за другой, а она мне: «Господь не отпускает тебя из России, что ты нужен здесь!» Вот так, не больше и не меньше! Это в каком же качестве, позвольте узнать? Меня, значит, гоняют по стране, как вшивого по бане, а я ей нужен, тем не менее? Бред. Сколько городов я в СНГ исколесил, сколько драматических ситуаций пережил и хоть бы один человек проникся ко мне пониманием! Нет же. Складывалось впечатление, что я действительно не от мира сего! Типа, пришёл сюда без разрешения, своевольничаю. Я и так шараду свою жизненную пытался сложить, и эдак... Ни хрена не получалось. Там мне словно дорожку одну по жизни выстелили: деградируй, чувак, и не отсвечивай! Короче, ни Богу свечка была от меня и не чёрту кочерга. И вот Кипр. День почти отходил в общей сложности, и пока всё без толку. Понятно же, что я не поиском работы занимаюсь, какая работа может быть у нелегала? Я другую, более серьёзную задачу сейчас решаю, как в мире тотального рабства такую себе долю свободы отсудить, чтобы душу не корёжило. Цель великая поставлена, а способы её достижения самые что ни на есть заурядные: руки в ноги и вперёд. Так в поисках прой-

дёт первый день, за ним второй. Но к великому сожалению, информация, которую я черпаю для себя, каждый день виртуозно меняя поручителей с улицы, остаётся для меня крайне неутешительной: – «Закончится виза, Андрэа, обязательно возвращайся обратно, – уверяют меня хитрые греческие полицейские. – Пошлешь нам запрос из России, мы тебе так и быть оформим отсюда приглашение на работу!» Не уверен. Надо знать, что из себя представляет здешняя бюрократическая система. Единственная отдушина пока, это Христос. Каждый раз заступая на вахту, дружище Христос по традиции варит киприакО кафЭ (греч. – по-кипрски сваренный кофе) сразу на две персоны, себе и мне, а пачку сигарет похристиански кладёт на журнальный столик для нашего общего с ним пользования. Иногда за разговорами мы просиживаем с ним в фойе до полуночи, ему я помогаю коротать его рабочее время, а от него заряжаюсь столь необходимым для себя позитивом. Добряк Христос – немолодой уже человек и как любой грек в его возрасте, довольно неплохо разбирается в людях. Греки, вообще, прирождённые философы и психологи. Общаясь с греком, будь осторожен: в начале любой беседы его мысли могут показаться тебе примитивными, но упустишь момент и сам не заметишь, как ловко переключившись на злобу дня, твой собеседник вдруг станет пристально наблюдать за тобой сквозь щёлочки своих колючих чёрных глаз. Ничем особенным тебе, конечно, это не грозит, смотря какие цели в разговоре с ним ты сам пре-

следуешь, просто в случае твоего непредвиденного прокола отношение к тебе сразу изменится и станет подчеркнуто официальным. Это как минимум. В эмиграции это особенно ценно: соблюдай дистанцию приличия. Христос, по крайней мере, не может не замечать, что я стараюсь, что я целыми днями пропадаю в городе, а к вечеру заявляюсь в отель в пыльных брюках, в мокрой футболке и заметно почерневший весь от солнца. Люди двигают людьми, словно фигурами на шахматной доске, наконец, люди двигаются сами. Понятно, что шестидесяти годам многие из людей неохотно выпускают посторонних в свой мир. Слушая Христа и в целом владея уже каким-то массивом полезной информации, я лишь добавляю к ней какие-то свои детали, пытаюсь беспристрастно анализировать ситуацию. Что мне лично нужно было узнать, я уже узнал, несколько раз кряду посетив местную астиномию (греч. – полиция, полицейский участок), благо располагалась она прямо на паралии, по соседству с четырёх и пятизвёздочными отелями. Понимаю, что таким образом я вскрываю свои карты, но мне иначе нельзя, коль скоро я решил обратиться за помощью к космическим силам. Два раза я наведывался в астиномию с разными поручителями и каждый раз чиновники из «эмигрейшон» с недоверием поглядывали в мою сторону, для верности апеллируя больше не ко мне, а к моим потенциальным работодателям, мол: – «Не советуем, фИле (греч. разг.— „друзбан“)!» А если ослушаешься, то не обессудь! На тебя наложим прОсти-

мо (греч.— крупный денежный штраф и какой-то тюремный срок), а его, — тут они презрительно кивали в мою сторону. — Тоже сначала посадим в филакИ (греч. — тюрьма), а потом всё равно депортируем!» Так оно почти по концовке и выйдет, ибо, законы на Кипре драконовские. Но, не буду опережать события. Повторяю, я не сдавался, я упорно искал лазейки в кипрском законодательстве, но когда мне в «Эмигрейшон» в очередной ответили отказом, я ненавязчиво так заметил им, что да, скорей всего, я останусь здесь нелегально. Из принципа. Наверняка, греческие менты уже взяли меня на карандаш и как только выяснится, что чьё-то место в самолёте опять оказалось незанятым, волкодавы из СИД (*-аналог российского ФСБ) тут же приступят к своим непосредственным обязанностям. Я пока что греческих чиновников только устно страшал, ведь, чтобы взаправду остаться здесь нелегально, мне нужен был нешуточный драйв. Блин, бабушкино воспитание! Со мной по-человечески и я, как телок! Но это больше не работает в современном мире, хочешь кушать, работай руками! Хочешь ни в чём себе не отказывать — стань Эйнштейном! Земное устройство несовершенно: кто милостыню просит, кто наркотой и бабами промышляет, а иные носятся по городу все в мыле, хоть как-то превозносясь над примитивным пониманием уголовного права. Да я готов до ушей стереться об огнедышащий ларнакский асфальт, лишь бы только не вляпаться здесь в прежнюю парадигму существования. Вместе с тем, я не могу не видеть,

как стремительно тает туристическая виза в моём загранпаспорте, а вместе с ней и мои скудные жировые запасы. Кстати, вчера на жаре разменял последние три доллара, на них я купил себе немного хлеба и соли. Так что теперь, каждый раз когда я возвращаюсь к себе в отель после изнурительных походов по раскалённому городу, то первым делом включаю сразу оба кондиционера, а на кухне сразу ставлю чайник на газ, чтобы вскипятить себе побольше воды. Хлеб, вода и соль, это мой привычный суточный рацион. Соль мне нужна, чтобы как-то поддерживать щелочной баланс в крови, а на первое и второе у меня есть псомИ комЭно (греч. – хлеб, порезанный ломтями) который я специально храню в холодильнике, чтобы тот подольше не засыхал. На дворе октябрь, а на улице по-прежнему небывалая жара, вот таким огнедышащим фУрно (греч.– печь, духовка) Кипр встретил меня осенью две тысячи третьего года. Воображаю себе, что здесь могло твориться летом, пока я колотился на бетонном полу от холода в строящейся шестнадцатизэтажке в Северном Чертаново. Немногим позже отапливаемый, но такой же вонючий барак в Гольяново (деревня Абрамцево) был ничем не лучше. Дни мои теперь таковы, что отлившись ледяной водой в душе, затем попив воды из чайничка, я вновь, как пожарник, бросаюсь в городской огонь, потому что с поиском работы мне нужно срочно поторапливаться.

Глава 4

«Куплет четвёртый»

День третий. Чудеса случаются, когда их планируешь! – цитирую я себя самого и готовлюсь к встрече нового дня на греческом Кипре. Что здесь сразу приятно бросается в глаза, так это полное отсутствие фальшивых елейно-сахарных, как в Греции, приветствий типа: «ти кАнэтэ», «каЛА исистЭ» и прочего. Да, киприоты более конкретные ребята. На нас, русских, похожи. У меня осталась какая-то мелочь в кармане, дома краюха серого хлеба и в кране питьевая вода. Кстати, вернувшись вчера в отель, я обнаружил, что номер в моё отсутствие немного почужел. Оказалось, что в нём действительно проводилась уборка, а заодно поменяли всё постельное бельё. Тоже мелочь, но приятная. Привычно миновав фойе-предбанник, я из спасительной прохлады вновь прыгаю в городскую парилку, там горячий воздух словно песок трётся об кожу и небо настолько бело от солнца, что на него совершенно невозможно смотреть без солнцезащитных очков. Кажется, не рассчитывая более на скорое решение проблем с едой, мой организм затаился внутри и только редкие капельки пота, скатываясь со спины в труснюк, свидетельствовали о том, что я ещё жив. Иду, время от времени промакиваю пот, тыльной стороной ладо-

ни прижимая футболку к спине. Замечаю, что в теле появилась странная лёгкость. С волей-то у меня всё в порядке, вот только сердце на сухую бешено колотится в груди, оно единственное является причиной моего беспокойства, где гарантии, что его не «заест» в тахикардическом захлёбе? А Ларнака уже с утра пульсирует людьми и всевозможными движущимися механизмами. Не без гари. Воздуха и так не хватает, а тут... Особенно мне досаждают ревушие мотобайки и вонючие сунсы-скутеры. Они тут буквально везде. Трогуары тоже настолько узкие, что не разойтись. Зачастую, чтобы пропустить встречных пешеходов, люди вынуждены сами вплотную прижиматься к стенам домов, или рискуя ногой угодить под колесо, неловко срываться ступнёй с бордюра на проезжую часть. И всё это называется активный отдых? Лично у меня другая проблема: я уже давно сломал себе шею, пытаюсь не обращать внимания на шашлычные, сувлачные и прочие иные вкусные заведения, которые по определению присутствуют здесь на каждом шагу. В самом городе работы ни-ка-кой, кроме той, на которую я себя сам пока устроил, то есть, это поиск и ещё раз поиск. В смысле халявной работы Ларнака действительно вся обрита наголо и обильно полита оливковым маслом. Ещё меня нервируют богатые европейские туристы, эти бесцельно шлындают туда-сюда пресыщенными толпами. Вялые, сытые, ухоженные, в шортах, в бикини, красные от ожогов, худые и толстые, коротыши, длинные как палки, всё это иностранное кубло бы-

ло явлено моему ошалевшему взору не иначе, как классовый антагонизм. Кажется, я вконец озверел от всего этого. Но это и так же может означать, что во мне вот-вот откроется второе дыхание. Мне, как бывшему лыжнику, хорошо знакома ситуация, когда печень переключается на последний сахарок. Следуя от примитивного к более сложному, идти я стараюсь так, чтобы не слишком отклоняться от паралии. Но и город тоже не промах, благодаря его меркантильным отмашкам, очутиться «поближе к кухне и подальше от начальства» у меня никак не получается, куда бы я не заходил, мне, в основном, давали понять, что сезон поднятия бабла на острове давно закончился и что вдобавок ко всему, англичане с американцами-де взялись саботировать на острове их туристический бизнес. Но чем чаще мне говорили «нет», тем мне всё меньше хотелось вернуться обратно в Россию. Наконец, стал проклёвываться тот самый долгожданный драйв, ради которого я, может быть, и провоцировал себя по выходе в город. Нравится мне это или нет, но только трагизм положения и заставляет меня поступать творчески. Война нуждается в подвигах, а мирная жизнь в поступках. Но я однозначно не колобок, что гремя об асфальт зачерстевшими боками, мечтает закатиться в свой пятый по счёту угол. Было куда хуже всё время мотаться по СНГ с билетом в один конец. После депортации из Греции ситуация в моей жизни правда сложилась идиотская: коль скоро у меня не было постоянного жилья то, соответственно, и прописки, а раз

не было прописки, то не было и официальной работы. А без работы, братцы, вилы! Так что, был я недавно московский бомж, а теперь, вот, кипрский. Не щадя живота своего, нарезаю круги по Ларнаке. И чем дольше, тем грустнее у меня становится на душе. Вот он, мир, прекрасный! Заходи, бери что хочешь! Ещё одна проблема на Кипре, что здесь практически отсутствует общественный транспорт. Ходит какой-то перепуганный автобус страшно-синего цвета и всё. Ларнака, да, думаю, и другие города тоже, устроены так, чтобы ничто не мешало туристической массе правильно растекаться по городским отливам. Мол, чем активнее будут туристы топтать по нему своими ножками, тем лучше. Да, здравствует, спортивная обувь! Город полный жратвы, под крыши забитый товарами, неспроста кишит туристами. Здесь собрана определённая категория людей, которым претит сосредотачиваться на чём-либо конкретном дольше пяти минут. Созерцательность в чести, парение над, а если и погружение, то либо в море, либо в плоть. Торжественное хождение на ногах, это как раз про них, про богатых туристов. Они либо торжественно ходят, либо торжественно ездят. Моим же лично транспортным средством следует пока считать «свои двое». А ходить приходится до хрена, сразу говорю. Засекал, в день у меня примерно выходит до четырёх-пяти часов непрерывного хождения по городу. Думаю, это за сорок километров и более. Так что, за два дня поисков я исходил его практически весь. Увы, вынужден признать, что этот чёс

мне пока ничего особенного не дал. Я даже «спальниками» не брезговал, но там в лучшем случае, разве что батраком? Взять, к примеру, городской район Арадиппу. Это же классический район для миллионеров! Зато, в противоположной части города, что победнее, сразу нашлось что поклевать. Здесь что хорошо, что кругом фруктовые деревья. Дикорастущие и такие. Между прочим, греков самих можно частенько видеть за сбором урожая где-нибудь на отшибе, а не в собственном саду. Как раз недавно я и наткнулся на одного такого мужичка. Мы с ним покусились на одну и ту же смоковницу! Критически осмотрев конкурента, ловко орудовавшего секатором, приделанным к самому концу длиннющей палки и соединённым с ним веревкой, намотанной на правую руку, я вздохнул, да и полез себе на дерево, поскольку снизу все плоды уже были кем-то обобраны вчистую. Так мы с ним вдвоём, почти не проронив ни слова, где-то с полчаса опустошали это библейское дерево. Я, наверное, и правда озверел от жары и голодухи, что мне было в лом слезать с этого кормящего дерева, из его спасительной прохладной тени, но не будешь же вечно изображать из себя Тарзана? Короче, так я три дня и продержался, где фигами с гранатами пробавляясь, где мандаринами. Ну, и, конечно, кипячёная вода из чайника, хлеб с солью. А сигареты я обычно стрелял у Христоса в отеле, у прохожих и у отдыхающих на пляже. Я давно приучил себя никому не завидовать, ведь, ещё не известно кто какой крест тащит на себе. Твой он са-

мый маленький, что ты выбрал себе на складе. Должен признаться, что за три дня хождений по жаре, солнце практически выпарило из меня всю соль и я теперь был вынужден чаще спускаться к морю, будто этим я мог спасти себя от тотального обезвоживания. После неформального поста и семи пролитых потов, тело моё стало лёгким и звонким, как валторна. Кстати, их (киприотов) поваренная соль мне показалась такой вкусной, что я её съел всю до последнего камушка. Подводим промежуточный итог: почти три дня поисков и – никакой работы. Мне становится всё трудней покинуть мой отель и я теперь всё больше времени стараюсь проводить у моря. Улетев от людей, я настойчиво ищу встречи с ними, но при этом я клятвенно обещаю себе, что когда у меня всё наладится, я обязательно расскажу им о том, насколько хрупким было наше перемирие. Сидя у моря, я с тоскою смотрю за горизонт, но ведь и там тоже люди, люди, люди... «А эти... – я с завистью смотрю на туристов. – Они хоть догадываются, что за мысли сейчас обуревают человеком, сидящим в согбенной позе у самой кромки воды? Каждое утро они сползаются все на пляж, чтобы море своими упругими ласками пробуждало в них аппетит? Ну, да! Ведь, хорошее пищеварение способствует правильному усвоению йодомарина! Как примитивно всё». Хорошо ещё, что бизнесэлита не прочухала что к чему и для таких, как я, не превратило бы море в платное удовольствие! Так что, пользуйся на дармовщинку, бродяга! «Бог ты мой! – подумал я. – Ведь,

параллельные миры кругом! Сплошные отели и одно название вычурней другого: «Лес Пальмиерс Отель», «Ливадиотис Отель Аптс», «Сан Ремо», «Кактус»! Отныне, располагаясь где-нибудь на пляже, я стараюсь вести себя более осмотрительно, чтобы опять не занять чьё-нибудь оплаченное местечко. Пару раз такое было. Соответственно, теперь моими местами на пляже будут те, где песок не песок и медузы с водорослями это норма? Ничего, с меня и этого будет достаточно! Так и в этот раз, кое-как выбрав себе место возле кустов, но, увы, на значительном удалении от моря, стал я раздеваться. Сил от походов по городу почти не осталось, долго вожусь с брюками, наконец, они под силой собственной тяжести валятся на песок. С опаской поглядываю на табличку с надписью на греческом и английском языках: «ПрОсохи! ИдиотикО ХОрос – Private!» Блин, как на минном поле! Чувак, ты не знаешь, кто убил Вини—Пууха? Да, уж... В состоянии голодного прояснения шуточка у меня получаются те ещё. Море реально выручает меня. Если бы не оно, печален был бы мой сюжет. Всё, на мне только трусняк, остальные свои вещички я сложил аккуратно под кустиком, это почти у самого тротуара, ближе к морю раздеваться было нельзя, там частная территория, принадлежащая местному пятизвёздочному отелю. В этой части пляжа песок ощутимо прохладней, чем на открытом солнце. Иду, ступнями зарываясь в подвижную массу, её волшебное прикосновение пронизывает меня до макушки, отчего мурашки табунами несутся

по спине. Смотрю на море, а думаю опять о женщине. Море по-гречески, ТАласса, (прошу не путать с фаллосом) то же женское окончание, как ни крути. Выходит, сегодня она самая доступная из всех? А слева огромный баннер привлекает моё внимание: «Everyone likes the Sun». Какое тонкое наблюдение! (смайл) Вон какая-то чумовая парочка с разбегу врезается сосисочными телами в набежавшую волну. Прикольно! Приближаюсь к воде, расчётливо стороной обходя недовольные физиономии под солнцезащитными очками. Я теперь на воду дую. Кому-то нравится спокойный контраст, мне же нравится контрастный покой. Можно подумать, что я только и делаю, что ищу бесплатного спецраспределителя? Я ещё ничего не добился здесь, а мне уже неловко оттого, что мои дорогие девчонки сейчас лишены всего этого, особенно дочки. У них там сейчас белорусская осень с редкими приключениями по воскресеньям и острой нехваткой вышеуказанного йодомарина. Чёрт бы его побрал, этот украинский Чернобыль! Но вот настал и мой черёд: сложив руки топориком, я коротко вонзаюсь раскалённым телом в прохладную синюю тишину, море, прозрачными бульками ударив меня по ушам, тут же подхватывает меня в свою купель и несёт прочь от этого жестокого берега, где собаки и звездочёты опять уселись за одним столом, чтобы в ритуальной последовательности своей точь-в-точь повторить всё то, что они проделывали уже не раз на протяжении пятнадцати веков. Успевая думать о чём угодно, плыву, изредка бросая свой

взгляд на берег. И что я вижу? Что какой-то мудака со здоровенной золотой цепурой на шее прямо своими мокрыми лапами забрался на мои цивильные шмотки?! Вне себя от ярости гребу обратно к берегу. Вот стану богатым, так же буду писать у себя на табличке на коротко подстриженной лужайке: «Всем нахрен с пляжа! Частная территория!» Но Дядька Средиземномор меня не слышит, зависнув над моим барахлом, он внаглую обмахивается большим махровым полотенцем, его похожая на якорную цепь голда, от солнца буквально пылает у него на груди. Выбравшись из воды, нервно шкандыбаю к своей одежде, мужик в это время ни ухом ни рылом. Дойдя до места, коротко бросаю ему по-английски «хай» и тут же даю ему понять, чтобы тот немедленно проваливал. Врубившись в чём дело, незнакомец с извинениями отпрянул от моих забросанных песком вещичек.

– О, sorry, sorry! – мутыжится он и теперь уже я смущённо отвожу свой взгляд в сторону. Вещички так себе, но дело принципа.

– Nothing!

Решив, видимо, как-то сгладить ситуацию, иностранец кинулся приставать ко мне с расспросами на английском, но интуитивно узрев в нём грека, я тут же предложил ему побухтеть на греческом, мол, так будет удобнее обоим. Мужик от этого ещё больше обрадовался. Штан мой был правда так себе, как и кроссоци, и чтобы не скомпроментировать себя полным отсутствием вкуса, я искусно тяну резину, не спешу

облачаться в весь этот секундхендовский срам. Но сразу захотелось курить, это у меня включился условный рефлекс. Я не верно оценил его как курильщика, так как мужик оказался из правильных, почти в меру потребляющий спортсмен. Вопрос на вопрос и понеслось:– «Что? Нет, я не голландец! А вы откуда? А, понятно! Англо-киприот, значит? (Я оказался прав) Перезнакамливаемся по-новой. Что? Нет, я здесь не по контракту! Как, как... Вот так. Приехал и остался! (Хотя нет, ещё не остался, а только собираюсь!) С работой как? А никак!»

– МАлиста... (зд. греч. – понятно...) – мужик склоняет голову набок и снова начинает энергично трясти ею, видимо, пытаясь из уха выдворить остатки морской воды. Англо-киприот ещё не в курсе, что по факту, я обыкновенный босяк, поэтому у меня есть ещё минут пять, как минимум, чтобы свести нашу беседу к ничейному результату. Но чувак, видимо, не вкурил и пытается продолжить беседу дальше;

– Ищешь работу в этом городе? – спрашивает он.

У меня сначала сердце ёкнуло от догадки, но вскоре выяснилось, что это был фальшстарт, просто визави стал предлагать мне изначально нереализуемые варианты, вроде: «Видишь вон тот нефтеперегонный завод?» – и тут Дядька Средиземномор стал мне рукой показывать в сторону топливно-газового терминала, видневшегося вдальеке, практически за городом. Ты, мол, ещё туда сходи!

– А-а! О кей! – чтобы не обидеть перца, согласно киваю

ему башкой. – Да, я обязательно наведаюсь туда, спасибо! Завтра. («Ну, блин, вы даёте!») Всё, больше нам не о чем говорить, это пустая трата времени. Пора сваливать. Сколько раз я видел эти глаза, иногда с сочувствием глядящие на тебя, иногда с презрением. И если бы не заповеди Христовы, я бы уже давно отказался от подобных пустопорожних диалогов. Мужик, кажись, тоже всё понял и стал закругляться. Кстати, мужик этот был киприотом по рождению, но давно проживал в Англии, а сюда приехал поностальгировать. А ещё, он успел показать мне свой отель, вот этот вот, шикарный, пятизвёздочный. Мой попроще будет и до него ещё шкандыбать и шкандыбать. Дождавшись пока он скроется из виду, наклоняюсь за брюками. Пресно на душе. Море лишь ненадолго сбило градус кипения во всём теле, но уже сейчас жара по-новой начинает сводить меня с ума. Натужно сопя, я отрясаю ладонью прилипший песок со ступней, потом неохотно влезаю босыми ногами в сопревшие кроссовки. Зашнуровавшись и застёгнувшись, медленно убираюсь с пляжа. А Ларнака, гляжу, уже пьяная, уже обкуренная и обожравшаяся вся, снова гудит от жары и от счастья, я же, словно рак-отшельник спешу убраться поскорей в свою прохладную раковину, вид праздной суеты раздражает меня.

Глава 5

«Куплет пятый»

Казино артачилося: «У вас есть на что делать ваши ставки? Нет? Тогда, будьте любезны, покиньте помещение!» В этот день я твёрдо решил остаться. А также вопреки расхожему утверждению, что везде хорошо, где нас нет. Фактически, я уже находился там, где мне должно было быть по кайфу. Так какого хрена? К сожалению, подчинены собственной инерции, часто мы даже не удосуживаемся узнать всё как следует о своих правах. О наших обязанностях нам господа Попкорны и так напомним, уж будьте покорны. Не знал я, к примеру, что к моим официальным двенадцати дням в загранпаспорте, мне без вопросов полагались ещё семь дней, пусть и без брони на обратный перелёт в Москву. Покупай себе билет за свои деньги и лети с Богом! И, во-вторых, я мог запросто продлить себе визу ещё на месяц. И опять же, шуруй в местное «эмигрэйшон», оформляй соответствующее заявление, плати деньги и вперёд, прыгай под свой парасоль на пляже! Я, хоть, и не Ленин был, а тоже решил пойти своим путём. Некий план у меня, конечно, имелся. Воспользовавшись-таки советом Дядьки Средиземномора, на следующий день, с самой рани, пока солнце ещё не успело вогнать в мою голову большой раскалённый кол, я в гостиничном номере

доел свою последнюю хлебную корочку из холодильника, за-пил её пресной водой из чайника и, спустившись на улицу, бодро пошуровал в другой конец города, туда, где вдали вид-нелись жирафыи шеи порталных кранов, а рядом с ними белым огнём горели на солнце серебряные бока огромных топливных резервуаров. На нефтеперегонный завод в поис-ках работы я ещё не закахивал. «Come what may!» Иной раз, чтобы вновь поверить в свои силы, достаточно услышать со стороны: – «Эй, привет! Как дела?» С момента моей де-портации из Афин прошло без малого три года и, как я уже говорил, время для меня с тех пор словно сломалось. Оно то двигалось вперёд, словно арба, со скрипом раскачиваясь из стороны в сторону, то замирало от страха, не шевелясь, то происходило с ним вообще чёрте что и на жизнь это бы-ло вряд ли похоже. Но после известных событий в Греции я не просто старше стал, сама обстановка вокруг меня по-менялась радикально. Знание идёт впереди мышц, а не на-оборот. Тело это сани, самолёт, или даже ангар для самолё-тов, но никогда не мотор, никогда не топливо, ни тем бо-лее взрыв, что движет теми и другими. Мысль прогрессив-на и мысль материальна, если тело подчинено разуму, а ра-зум никогда не забывает о теле. Цитирую себя же самого: «Я убегаю от себя? Нет! Я себя не догоняю». Сам я, может быть, и не хотел бы ничего менять, но так случилось, что многое из того, что было присуще моей прежней жизни в Греции, на Кипре теперь стало абсолютно для меня неприемлемым.

То, например, каким образом раньше мне приходилось искать себе средства к существованию. Греческую сказку было не оживить, а от Кипра не отмахнуться, вот почему волка кормят ноги, а покойников возят на катафалке. Здесь, в Ларнаке, похожее состояние души и тела я по привычке называю «поиском работы», хотя на самом деле, речь конечно же идёт о более серьёзных вещах. Идя по земле, я часто смотрю на небо, земля мне дарит опору, а небо надежду. Но, идя по земле, невольно спотыкаешься о её неровности. Здесь вывод как бы напрашивается сам собой: я же не верблюд какой, чтобы по несколько дней обходиться без воды и без пищи? Согласен, что бывают такие жизненные ситуации, когда человеку чем хуже, тем лучше. Но мораль есть основа преимущества главных жизненных принципов, без которых любая философия рискует превратиться в скучную монографию, а география в замкнутый бег по кругу. Зато теперь я примерно представляю себе, что такое кипрская Ларнака. Здесь почти всё как обычно: помимо традиционного центра с чрезвычайно плотной жилой застройкой, доставшейся ему в наследство от прошлых веков, есть свои креативные зоны, их суетным взглядом не разглядеть и не тренированным ухом не расслышать. Греческий городской центр всегда спрессован по самое не могу и в плане работы мало что может предложить начинающему охотнику за удачей. И всё равно все всегда стремятся поближе к центру, в кучу. В куче сравнительно безопаснее. В куче дольше сохраняет-

ся тепло, люди жмутся друг к другу и так выживают. Куча крепка круговой порукой. В куче, если ты наркоман со стажем, тебе легче обломится таблетка экстази, или косяк с коноплём. А если при этом ещё и строить умную физиономию, то можно надолго забыть о голоде наряду с похмельным синдромом. Куча даёт большие преференции в первую очередь тем, кто черпает свои силы в постановочных тусовках с частыми свалами от полицейских облав, а то и с перестрелками из когда-то стыренного ими оружия. Куча – это типичный оккупант, гетто, городская трущоба, пиар, яма, нонсенс, помойка. Искать работу в центре можно, но не нужно. Лучшее, на что ты, вообще, можешь рассчитывать там, так это на сытое рабство. Другое дело городские окраины! Здесь все дома стоят нарядные, как куколки. Сюда так просто не войдёшь и сюда так просто не вломишься. Да чего там, тебе даже постучаться не дадут, если что. А потому что здесь частное превыше всего. Даже купола неба. Но хорошо, что гордость это ещё не смертный приговор и её всегда можно отменить. Может, кого-то из нелегалов не устраивает низкая оплата труда, или, пардон, нищенское существование в гетто? Я и сам не для того рискую, чтобы в будущем живя здесь в сравнительной нищете среди богачей, почти без выходных корячиться на местного господина за триста лир в месяц. Скорей всего это золотой компромисс между бедой и счастьем. Своего рода контракт на крови. Ладно, не буду тянуть кота за тестикулы. Прибыл я в Ларнаку пятого октября,

а девятого... Короче, на улицу Филирас я вышел совершенно случайно, хотя, как я сам неоднократно заявлял, в жизни случайностей почти не бывает. В своё время я был автором теории про Чёрных и Белых Попечителей, где чёрные это, условно говоря, плохие парни, а белые хорошие. Так вот, господин, с которым мне привалило счастье познакомиться, был как раз из клана Белых Попечителей и звали его Теодулакис Андрэу, сокращённо Лакис Андрэу. С вашего позволения, тут я несколько разовью свою теорию, дабы было более понятно, к чему я клоню. Согласно её, теории этой про Чёрных и Белых Попечителей, когда у человека жизнь летит под откос, то ему нужно искать причину, а не бить по хвостам. А причина, как правило, на поверхности и у каждого как бы своя точка отсчёта. Не парься, живи по факту. Я и не парюсь. Итак, причина: осенью двухтысячного года в парке Альсос Панграти, в Афинах, меня захомутала греческая астиномия (полиция), после этого меня ровно две недели продержали в обезьяннике, а потом депортировали по самой жёсткой схеме и не в Россию, как логично было бы предположить, а в болгарскую Софию. Короче, выкинули, как собаку. Дальше, мол, сам. Вот с той поры жизнь моя и полетела под откос. Однако, про теорию. Чтобы выбраться из этого цугцванга, мне нужно было войти по-новой через прежний портал, то есть, ровно через то же место в парке Альсос Панграти, где некогда и состоялось моё знаковое задержание. Ничего задачка? (смайл) Но не все пути к цели прямые, чаще

они корявенькие и невзрачные с виду. А сегодня я проснулся и, о, чудо! Есть совсем не хочется, даже в животе не урчит! Усмотрев в том определённый для себя знак, я стал скоренько собираться на улицу. Вчерашний разговор с незнакомцем мне не давал покоя. Вряд ли мне светит устроиться на сам завод, сколько бы вакансий там не было, но то что в центре Ларнаки мне точно ловить нечего, это однозначно. Надо агрессивнее внедряться в среду, агрессивнее! А это значит, идти на окраины. Так я и шёл наугад, но с тем расчётом, чтобы на этот раз держаться ближе основного шоссе, уходящего за город. Но в тот день у меня было такое ощущение, что выходя из города, я словно покидаю его навсегда. Одновременно, мною овладело такое состояние, когда всё уже было практически по барабану. Да, я автоматом крутил башкой по сторонам, но уже беспристрастно фиксировал взглядом смену обстановки, я больше не распылялся вниманием на те объекты, которые мне вряд ли бы сулили хоть что-нибудь позитивное. Зато другие, наоборот, мгновенно включали во мне хищный интерес. Одним из таких как раз и стал угловой магазин, с виду мебельный, но на самом деле чего там только не было! И что характерно, что был он, по сути, самым последним строением в этом жилом районе, дальше за ним шёл глубоководный ирригационный канал до самого моря, за каналом простиралось небольшое поле, заросшее ковылём, на краю его большая автостоянка, а ещё дальше громадой нависал тот самый сверкающий на солнце

НПЗ, на который вчера мне указывал Дядька Средиземно-мор. Словом, Ларнака здесь заканчивалась и мне предстояло принять довольно сложное для себя решение, следовать мне дальше по шоссе Декелия Роуд через небольшой путепровод, или практически сдавшись на милость обстоятельствам, вернуться к себе обратно в отель не солоно хлебавши? Кстати, насчёт соли: я представил, как я проснусь завтра утром голодный и уставший, а у меня не то что хлеба, соли уже не осталось! Шёл я к этому НПЗ, скажу я вам, как расчёска вязнет в густых волосах и чем дальше я забирался вглубь этого «спальника» с частной застройкой, тем грустнее у меня становилось на душе! Похоже, работой здесь и не пахло. И только сейчас к ужасу своему я осознал, что голяк в плане еды и жара за эти три дня буквально подъели все мои последние силёнки. Я ещё шёл, куда-то сворачивал, куда-то ещё бросал свой обалдевший взор, но это уже было за пределом выносливости, чисто на зубах. Когда я понял, что всё, можно составлять завещание? Когда оказался на небольшом перекрёстке улиц Филирас и Медузы. Тут-то и находилось последнее строение, а точнее, антикварный магазин «Woodbine Trading Ltd»! Я стоял напротив него и кисло улыбался. Не знаю, если бы не открытая дверь в магазин... Это по-крайней мере я воспринял как некий сакральный знак для себя! Вот тут мои надпочечники выбросили последнюю дозу кортизола в кровь. Короче, сначала у меня было как в Библии: «дорогу осилит идущий», а потом всё

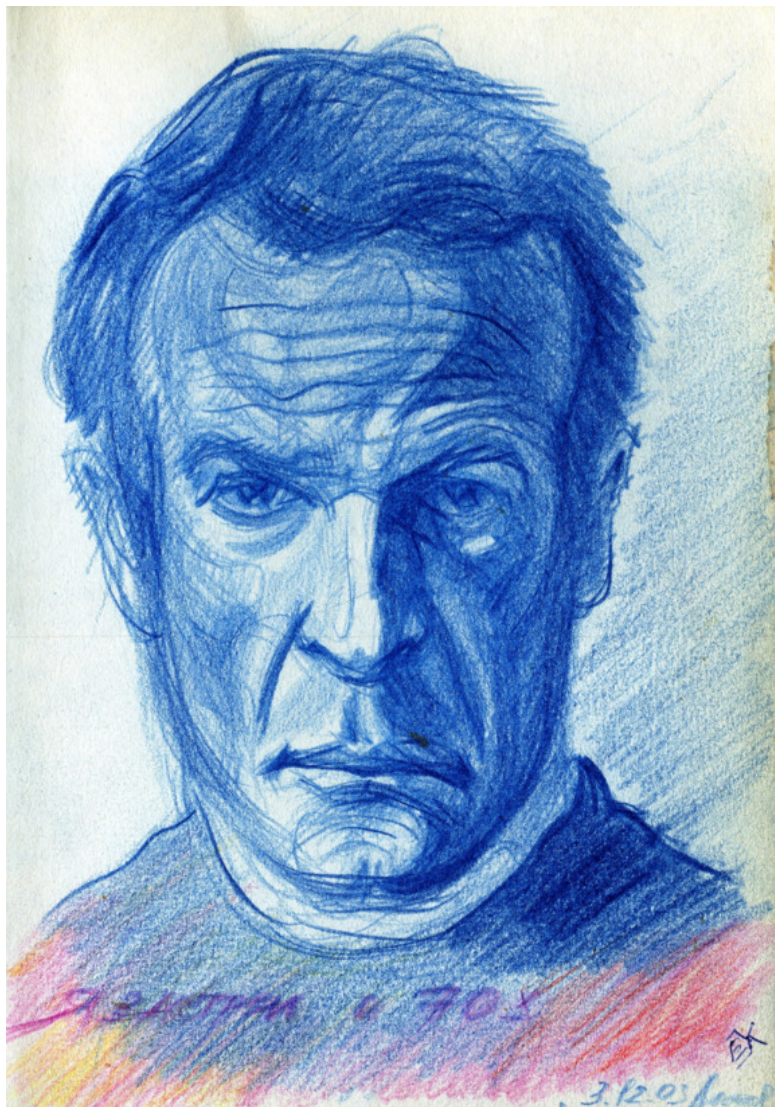
это вылилось в «стучитесь и вам откроют». С властью в России у меня сложные отношения. Она и по сию пору не является для меня чем-то персонифицированным, хотя и там есть свои конкретные чиновники, кто отравляет нам жизнь, конкретные партийные функционеры и прочие рядовые мафиози. Вот с этими-то у меня как раз и проблемы, с каждым субъектом на конкретном отрезке жизненного пути и в конкретных обстоятельствах места и времени. Моё нынешнее отношение к власти легко проверить по некоторым критериям: например я бы хотел, чтобы Труп ленина убрали с Красной Площади -раз, а городу Волгограду вернули его истинное название – Сталинград -два! Но я знаю, что этого не случится. В обозримом будущем, по-крайней мере, и при этой конкретно власти. И потом, мой триколор чёрно-жёлто-белый. Там много чего ещё имеется, с чем я принципиально не согласен, но это уже не имеет никакого значения, коль скоро мой путь, это не путь воина, а путь странника. Зеки говорят «бродяги». Хорошо, пусть будет бродяги. Так на чём я остановился? Ах, да! Я стоял напротив магазина и буквально пожирал его глазами. От зависти к работавшим там людям у меня просто слюнки текли, ведь, это был практически мой профиль! Дверь в магазин тоже как нарочно была провокационно открыта, да ещё и припёрта снаружи круглой каменюкой. Конечно, это был знак! Надпочечники, кортизол, адреналин! Биохимия сработала без осечки!словно взвешивая все за и против, я ещё раз обернулся и окинул горестным

взглядом бесперспективное пространство с водоотводным каналом, с пустырём, устланным кошмой из жёлтого травостоя, автостоянкой и зеркально бликующим за ней нефтеперегонным монстром. Не все же двери держат открытыми просто так, верно? Секунда, и я шагнул к дверному проёму. Так, наверное, выходят на сцену артисты. Изнутри на меня привычно пахло благовониями (греки для этой цели используют специальные курительные машинки) и это дополнительно придало мне сил. Справа за обычным письменным столом, заставленным чем, не помню, сидел мужик лет пятидесяти пяти—шестидесяти, по-рокерски держа на плече старенькую переносную магнитоу «Шарп» и, прильнув ухом к одному из динамиков, с упоением слушал старый греческий фолк, так называемые «лаикИ мусыкИ». Их ещё греки называют «бузУки». Дальше у меня произошло дежурное отключение и я действовал исключительно на автомате. Я зафиксировал только что войдя, я тут же поздоровался с ним по-гречески, к тому времени улыбка уже была вывешена на моей оптимистической физиономии в качестве фирменного знака:

– Я сас! (греч.-Здравствуйте!)

Киприот, похоже, опешил сначала, но быстро пришёл в себя, сосредотачиваясь на объекте. Кстати, внешности он был не греческой: абсолютно не загорелый, а в его больших чуть навывкате светло-серо-зелёных глазах будто застыл какой-то непонятный испуг. Сам он был крепко сколочен,

с крупными чертами лица и алюминиево-проволочной вьющейся шевелюрой на голове. Типаж явно не эллинский. Классический же киприот обычно весь чернящий с головы до пят, а этот весь бледный, как спирохета, и ликом, ну, чистый европеец!

50705

EF

3.12.05

Глава 6

«Куплет шестой»

– Ясас! – хозяин магазина наконец отставил свою магнитолу в сторону и тоже улыбнулся мне в ответ. – Ты тЭлетэ, кИрие? (Здравствуй! Что желаете, господин?) Меня сразу отпустило. Я решил атаковать, не медля.

– ЭгО Имэ АндрЭас, рОссос! Прин ЛИгес мЕрес эгО Ир-та апО ти РосИя я дьякопЕс. АЛА... Фисика, та Итела на архИзо и зоИ му эдО ксана, ке на сас ротИсо апо мья дулЯ, и ан Эхете? (Меня зовут Андрэас! Я русский! Несколько дней назад приехал сюда из России в отпуск, хотя... В общем, здесь я бы хотел начать свою жизнь сначала, а заодно и спросить, нет ли у вас какой работёнки для меня?)

– МилАс эллиника? ОрЭа! Пос то Эматес? (Говоришь погречески? Здорово! Когда успел выучить?)

– Йеника, мерика хроНья эгО Эмина стИн Эллада! (Вообще-то, я несколько лет жил в Греции..)

Господин удивлённо поднял брови, глаза его ещё больше округлились:

– ПОсо герО? (Как долго?)

– ПерИпу, трИа хроНья! (Около трёх лет)

– ТрИа хроНья? Я ти Эфигес? (Три года? А что уехал?)

– Охи эгО! Ме пьЯсанэ, ке ме дьЁксанэ! (Я никуда не уезжал! Меня схватили и выкинули из страны!)

Тут хозяин испуганно стрельнул в меня глазами.

– Нэ? Я пьё лОго? (Да?! А что случилось?)

– Имуна парАномос... (Проживал нелегально...) – Я смущённо прищурил левый глаз, так как это было самым слабым местом в моём, в общем-то, правдивом резюме.

– КатАлава... – (Понятно...) – киприот понимающе отвёл глаза и замолчал, было ощущение, что из него немного выпустили воздух. Я, понятное дело, слегка напрягся, но эта пауза давала мне хотя бы слабую, но надежду. Улыбка мрачной тению сползла с его лица. Грек выключил магнитола, как-то бесшумно вздохнул и опять вылупил на меня свои большие серо-зелёные глаза, в них я заметил, стало чуть больше зелени. Однако, уже в следующую минуту он словно встряхнулся весь, распрямился, потом встал из-за стола и тут оказалось, что он ростом был почти с меня. Все эти моменты я фиксировал в своей голове почти автоматически и все они, так или иначе, почему-то казались мне весьма обнадеживающими.

– Ти, диладИ, борИс накАнис? (А ты, вообще, что делать умеешь?) – голосок его на сей раз прозвучал почти елейно.

– Я много чего умею! – Спокойно ответил я, замерев от восторга, столь профессионально точным было бы моё попадание в цель, случись так, что этот немолодой киприот с чисто славянской внешностью вдруг решил бы взять меня к себе на работу. – Эго имэ зогрАфос ке ксилоглИптис! (Я и художник и резчик по дереву)

– Нэ? (Да?) Исэ скалистИс? (Так ты резчик?!) – Лакис

рукой изобразил движение режущим инструментом. – КсЕ-рис ксилоглиптикА? (Шурупишь в резьбе по дереву?) ОрЭо! (Здорово!)

Я сиял, словно это была минута славы. Но, надо знать греков! Греки избалованны и осторожны, они умеют вываживать рыбу. Я тоже не торопился (кто кого ловит). Первым делом хозяин катАстимы (магазина) передал мне свою визитную карточку, где был представлен как кИрие (греч. – господин) ТеодулАкис (сокращённо ЛАкис) АндрЭу, наш рыбак мастерски тянул время. Лелея паузу, я вдруг взорвался таким откровением, что грек слегка опешил. Не давая ему опомниться, я стал рассказывать ему о своей резьбе по дереву, о росписи под под левкас, о том какой я, вообще, разъедрённый специалист. Вижу, тут глазки у нашего господина загорелись ещё больше, прям водой не отлить! Взяв одной рукой алюминиевую миску со стола, в которой было налито какое-то странное тёмно-коричневое содержимое с запахом скипидара, а в другую замусоленную бурую тряпку, Лакис прошёл к старинному комоду и, ни слова не говоря, тут же принялся натирать его этой жидкостью, я сразу обратил внимание, как заиграла поверхность обновлённой текстурой. Лакис ещё рта своего не успел открыть, а я уже знал о чём пойдёт речь. Я с этой технологией в России был давно знаком, когда ещё только начинал заниматься резьбой по дереву в одном из мурманских кооперативов. Игрок знает когда ему фартит, охотник чувствует приближение зве-

ря, я же буквально холкой своей ощущал всю фееричность момента. Кажется, это был последний адреналин, который весь ушёл на моё красноречие. И теперь у меня пошёл откат, я тупо оглядывался кругом, неужто, мой товар на этой ярмарке тщеславия проканаает? А магазин и в самом деле был шикарным! Такого разнообразия товаров я, пожалуй, ещё не встречал нигде! Разве что, в лавках старьёвщиков в древних афинских районах Монастираки и Плаки, в Афинах? Кстати! Киприоты хотя и говорят по-гречески, но греками себя не считают! Так вот, магазин этот был рассчитан под самого взыскательного клиента. Тут тебе были и вполне современные гостиные гарнитуры с кожаными диванами и креслами разных комплектаций и цветов, здесь же я впервые увидел массивные дубовые столы, чьи столешницы были выложены обыкновенной керамической плиткой, либо разноцветными стеклянными изразцами. Кажется, не было свободного пространства на потолке, где бы не висели какие-нибудь люстры с диковинными светильниками, а на стенах бра, часы с курантами, а так же довольно не плохие копии старинных картин в золочёных гипсовых рамках. Мраморный пол был тоже вплотную заставлен столами со стульями и всевозможной старинной утварью и прочей мелочёвкой. Что интересно, что не смотря на исключительную тесноту, весь магазин был грамотно разбит на секции и порядок везде был просто идеальный, чувствовалось, что все вещи в нём были расставлены со знанием дела. Да, и в довершение всего, в ма-

газине было очень свежо и пахло ладаном, как в церкви. То есть, всё это впечатление на меня произвело неизгладимое. Лакис, разумеется, заметил моё замешательство и взгляд его заметно потеплел. А внутри меня уже шёл раздрай, я к ужасу своему констатировал, что это, возможно, был мой последний адреналиновый пал. Я практически выгорел весь за эти три дня поисков. Помните историю с греческим марафонцем? Лакис правда помягчел, он уже мурлыкал о чём-то практически без остановки, но продолжая, однако, наяривать вонючей тряпкой по комоду. А на меня вдруг такое безразличие нашло, хоть плачь. Это был тревожный симптом. И вдруг Лакис оставил своё занятие, оборачивается ко мне и говорит: – Знаешь, Андрэа! А позову-ка я сюда Мариоса! – и тут же направился опять к столу, где лежала его мини-рация «Моторолла». Кто такой был Мариос я, конечно, не догадывался, зато я понял другое, что мой кадровый вопрос его взволновал не на шутку. Мариос примчался на истошный родительский зов мгновенно, поскольку тут же выяснилось, что он является сыном Лакиса. Да, и вот он уже был «классическим» киприотом, на вид лет тридцати или около того, ростом выше среднего, субтильный, на узком черепе, слегка приплюснутом с боков, чёрный шиньон из коротких жёстких волос, вившихся мелко, как у арабов, начинался с небольшого неаккуратного загривка, но главной отличительной чертой его были немного сонные, полный диссонанс агрессивной упаковке, большие мутновато-карие глаза. Ма-

рио, как я понял, был в их фирме за менеджера. Мне этот парень сразу показался не простым. Что было тоже немного странным для его возраста. По всему было видно, что характером отпрыск вышел крепче папаши. Первое, на что сразу отреагировал мой мозг, был его взгляд. Мариос был человек-глаза! Эти мутновато-карие с синим отливом стекляшки, роскошие слегка, но только опущенные немного вниз, а не вверх, они как будто знали про меня всё, потому и улыбались постоянно. Мариос когда говорил, то смотрел на меня почти не мигая, что мне тоже в нём очень не нравилось, я интуитивно уловил, что помимо врождённого греческого высокомерия, это могло быть ещё и нечто иное, что, возможно, имело самое непосредственное отношение к парапсихологии. Немигающий мутновато-карий взгляд и словно подвешенная дурацкая улыбка, кстати, увенчанная полным набором из крепких жёлтых зубов, всё это должно было стать моим приговором? Но меня сейчас больше интересовала работа, а не то, как Мариос в будущем будет уничтожать меня своей энергетикой. А зубки у него и вправду были кусачие, наверняка, много кальция в детстве потреблял? Помимо всего вышеизложенного, в Марио чувствовалась ещё и некая внутренняя сила, которая пёрла наружу, провоцировала на конфликт на ровном месте. Вот на одних людей посмотришь и вроде зацепиться не за что: взгляд твой постоянно рекошетит от геометрии форм, не цепляясь за внутреннее содержание. Мариос был не из тех, Мариос был опа-

сен и играл постоянно. У меня порой складывалось ощущение, что передо мною стоит не человек, а этакая хитроумная подстава, суррогат. Да, но и моя личная мотивация, моя направленность на цель была такова, что со мною тоже лучше было не связываться. Кажется, это Марио тоже понял. Ведь, я ещё в Москве пересёк ту черту, за которой осталось трогательно-наивное восприятие жизни. Это она, являясь отражением детской доверчивости, хотя бы фрагментами присутствует в нас до самой смерти. Короче, движуха, возникшая вокруг меня, говорила о том, что я действительно людей заинтересовал и что возможно, я оказался в нужном месте и в нужное время. А вот, дальше хрень какая-то пошла: они начали яростно о чём-то спорить и вроде бы Марио и Лакис говорили по-гречески, но я ни хрена не мог разобрать из их странной болтовни, только отдельные слова! Это было незнакомое мне наречие, с ним в Афинах я точно никогда не сталкивался. Было смешно и грустно наблюдать, как чтобы запутать меня, отец с сыном то и дело переходят на конспиративный диалект греческого языка, при этом Лакис всё время поглядывал на меня с некоторой опаской, тогда как Марио наоборот, держался с подчёркнутым высокомерием. Очевидно, греки и впрямь не хотели, чтобы я дословно понял о чём идёт разговор. О кей, я принял их игру. Впрочем, видя моё замешательство, они вновь возвращались к обычному варианту греческого языка, что тоже слегка обнадеживало. А в какой-то момент их спор достиг апогея и мне пока-

залось, что Марио пытается в последний раз отговорить отца от сотрудничества с этим странным русским. Это был неприятный для меня момент, признаюсь, но вот их лица вдруг подобрали и они повернулись ко мне с видом каннибалов, которые урегулировали, наконец, вопрос как разводить костёр. Снова зафиксировав на мне свой немигающий взгляд, Мариос торжествующе пробасил:

– Элла, Андрэа! ПАмэ! НасудИксо тОра кАти! (Ну, Андрэа, пойдём? Кое что покажу тебе сейчас!)

Я даже не успел ничего ответить, а они уже развернулись и резво направились к выходу. Я, естественно, за ними. Выйдя из магазина, они сразу повернули налево и пошли вверх по Медузе, надо полагать, к тому самому остеклённому ангару с двускатной крышей? Надо же! Не более часа тому назад я тоже проходил этой же улочкой и мимо этого же строения! Но, пока рано ещё было говорить гоп. Задержавшись у входа, Лакис рукой мне показал «следуй за нами». Я когда вошёл внутрь, то ещё больше разинул рот от удивления: это фактически был клон «Шоу-Рума», но только представленный в основном мебелью. Особенно мне бросилось в глаза, что с правой стороны под самым потолком на крючьях болталось море старинных стульев, большинство без седух вообще. Здесь так же было много люстр, бра, часов-ходиков, а на бетонном полу валом столов со стульями в гарнитуре, сервантов, комодов с тумбочками а так же всевозможной старинной утвари. Да, и ещё много швейных машинок

«Зингер» и печатных машинок «Ремингтон». По ходу, это был и магазин и склад одновременно. И, как положено складскому инвентарю, всё это богатство было покрыто густым слоем белой пыли. («В-о-о-т! Уже теплее!») – подумал я. И как же тут не вспомнить опять про метафизику! Ведь, год назад, примерно, я начал писать книгу, где тоже фигурировали «Старые Вещевые Склады!» Выходит, я сам спрогнозировал себе подобное развитие событий!? Или запрограммировал? Кажется, Андрэусам было лестно наблюдать, как меня штырит от всего этого средневекового хлама. Но что можно было констатировать наверняка, что что-то в нашем общении всё-таки стронулось с мёртвой точки. Теперь даже Марио стал больше расспрашивать меня про мои профессиональные навыки, но темник был всё тот же. Мы крутились вокруг одного и того же, а я пока не слышал главного, как в одном известном анекдоте: «так мы пИсать будем, или глазки строить»? Марио правда вёл себя немного странно, если под странностью подразумевать его пока мало объяснимое нежелание ставить точку в нашем явно затянувшемся общении. Марио словно искал повода завалить меня на экзамене, а потом он вообще огорошил меня банальным повтором уже имевшего место проверочного теста:

– «Андрэа, а ты это умеешь делать?» – и как это совсем недавно проделывал его отец, Марио тоже схватил миску с похожим раствором (они, оказывается, здесь были повсюду), тряпку и тоже принялся тупо натирать ею сильно поко-

данную поверхность какого-то рядом стоявшего серванта. Я уже кое-что начал понимать и потому еле сдерживал себя, чтобы не «плюсануть». Произведя несколько нехитрых манипуляций, Мариос выжидающе воззрился на меня,

– БорИс? (Можешь?)

– ВЭвэ! (Разумеется) – выпалил я, шустро принимая от него тряпичную эстафету. Тоже смочив тряпку в растворе, я со зверским аппетитом накинулся на столешницу. Думаю, что движениям моей руки позавидовал бы сам маэстро Никколо Паганини. Короче, свой первый тест на вшивость я прошёл блестяще, благо он был проще самого примитивного. Кажется, Лакису эта катавасия нравилась больше всего и мне показалось, что он морально меня поддерживает.

– А как ты относишься к разгрузке? – Марио не успокаивался.

– Что? – не сразу врубился я.

– Ну, в смысле, погрузить что-нибудь, разгрузить? – и тут Марио показал мне рукой на длинные шеренги из мебели.

– А, мебель, что ли! – я охренел от счастья. – Да, ноу проблем!

Меня они потом ещё долго расспрашивали о чём-то, а я им отвечал, но вот она, эта точка бифуркации, совсем рядом! Я даже заводиться немного стал. Расходуя последние силы, рискуешь устать от бла-бла. Я не умею пресмыкаться перед кем бы то ни было, в этом моя основная проблема, поэтому меня уже сейчас подмывает плюнуть на всё и от-

чалить к себе в гостиницу. Пусть голодным, пусть без ко-
пья денег, зато там у меня есть чистая постель, душ, сор-
тир и телевизор, а ещё чайник с кипячёной водой. Чего-че-
го, а этого добра у меня и правда завались. Словом, во мне
сейчас шла невыносимая внутренняя борьба и мне так хоте-
лось жрать, что я готов был повкалывать на благо кипрской
демократии прямо сейчас, не откладывая! Но где она, эта
связующая фраза в нашем базаре ни о чём? Возникшая па-
уза была настолько звенящей, что я невольно поморщился.
И вдруг Лакис так выразительно посмотрел на своего упо-
ротого сынулю, что вопрос, произнесённый им следом, мог
расслышать даже глухой: – «А что, может, правда попробуем
этого русского в работе, а?» Марио наслаждался своей ролью
всевидящего, но взгляд его при этом был почти непроница-
ем; мутновато-синий, с отливом, он напомнил мне телячий.

– КалА, Андрэа! (Хорошо, Андрэа!) – наконец согласился
он. – Ти дъЕфтиси Эхис? (зд. – Где остановился?)

– КсенодохИо! (В гостинице!) – лаконично ответил я.

– Пу, сигЕкримЭно? (Где конкретно?) – неучтиво спра-
вился он.

– «Элеонора»! – ответил я.

– ПОтэ нАртис я дуЛЯ? (Когда придёшь на работу?) –
Аврио то проИ? (Завтра утром?) Видать, я слегка перенерв-
ничал и потому сходу выпалил ему по-английски:

– «Rihgt now! What are we going to wait for?» (А чего
ждать? Прямо сейчас!)

У греков физиономии вытянулись от удивления:

– ЕсИ ке аггликА милАс? (Ты и по-английски говоришь?)

– Yes I do! (Да!) – в том же стиле ответил я и тут же добавил. – I'll just change my clothes to overall, and then I come over here in no time, if you want it! (Я только в робу сейчас переоденусь и мигом к вам, если угодно!) Греки вообще охренели от такого поворота событий и потому согласились сразу, не раздумывая. Надо сказать, что от улицы Филирас на окраине Ларнаки до моего отеля был не ближний свет, но я туда не шёл, а летел! Откуда только силы взялись!

Глава 7

«Куплет седьмой»

Итак, ночной портье Христос был первым человеком на Кипре, с кем свела меня судьба. Христос был действительно свой человек, но каково же было его удивление, когда однажды вечером из грузовика, остановившегося напротив входа в гостиницу, вылез его знакомый Андрэас Россос с пакетами полными жратвы! Христос давно был в курсе, что я всерьёз подумываю остаться на Кипре и то, что сегодня я выглядел особенно взмыленным и счастливым, только подтверждало серьёзность моих намерений.

– КалОс тон! (Рад приветствовать тебя!) – поздоровался со мною Христос и тут же по уже установившейся у нас доброй традиции, полез в карман за сигаретами, чтобы угостить меня. Только на этот раз я уже сам извлекал из нагрудного кармана недавно распечатанную мною пачку «Сеньор Сервис ЛилА», алаверды протягивая ему свои.

– ВрИкес кАти? (Нашёл работёнку?) – поинтересовался портье, в его добродушных глазах читалось уважение ко мне.

– Нэ, кИрие! ВрИка! – (Да, господин, нашёл!)

Христос удовлетворённо кивнул головой;

– КафедАки? (Может, кофейку?)

Я согласно кивнул ему, всё равно в номер мне сейчас

идти не хотелось, свою первую викторию мне надо было хорошенько смакануть. Мы опять прошли с ним в холлА-ки (небольшое помещение перед барной стойкой), служившее посетителям небольшим залом отдыха, где для этого специально были поставлены два кресла, журнальный столик с пепельницей для курящих, а напротив, под подвесным потолком, на встроенную в стену металлическую подставку-консоль, был водружён старенький цветной телевизор. Скрывшись за стойкой бара, Христос поколдовал там немного и вскоре две ароматнейшие чашечки кофе киприакО (по-гречески) стояли на нашем журнальном столике. Было уже достаточно поздно, закурив, мы продолжили с ним трендеть «за жизнь», лишь изредка прерывая нашу беседу, особенно когда в холле в этот момент вдруг появлялись подозрительные личности. Тогда, конфиденциально замолкая, мы расслабленно пускали дым в потолок и с умным видом пялились в телевизор. Наконец, покончив с кофе и разговорами, мы пожелали друг другу спокойной ночи и разбрелись каждый по своим углам. До окончания моего легального срока пребывания на острове оставалась ещё неделя. Поднявшись на лифте на свой этаж, я заученно проследовал по коридору направо, отыскал глазами знакомое двухзначное число, привычно сунул жетон в дверную прорезь под ручкой, толкнул дверь локтём и прошёл в номер. М-да, к хорошему в жизни привыкаешь быстро! словно не было никогда ни серых депрессивных строек с неумолкающим рокотом пер-

фораторов за стеной, ни дурнопахнущих туалетов на базе в Гольяново, ни нар, ни кидалова, ничего из того, что грозило деградацией, никчемностью существования и полным отсутствием каких либо перспектив. С этими мыслями прямо в обуви я прошёл на кухню, выложил пакеты на стойку бара и сразу полез на антресоль, там я когда-то видел фужеры на тонких длинных ножках. Но тогда они мне показались такими бесполезными. Сейчас я буду обмывать свою первую получку! И не только. Впервые жратвы у меня было столько, что её образовалась аж целая куча. Сегодня был тяжёлый рабочий день. Только в магазине мы с Лакисом отработали до одиннадцати часов вечера, а до этого была разгрузка прибывшего из-за границы контейнера с мебелью, потом мы долго сортировали её, создавали новые свободные места на площадках, перевозили на каталке какие-то образцы из «Шоу-Рум» в «Уэархауз» и обратно. То есть, тонн двадцать – двадцать пять на руках точно перенесли. Но я был счастлив, не передать словами. И вот, когда мне пришла уже пора возвращаться в отель, а Лакису ехать домой в Акрополи (один из жилых районов Ларнаки), как он вдруг снова подзывает меня к себе и просит, чтобы я помог ему сверхурочно загрузить упаковочный картон в «Мазду». Я думал, закидаем тару в фургон и всё, по домам! А выяснилось, что мы ещё поедem с ним на какую-то там мусорную свалку, за город. Причём, сию минуту, не откладывая яиц в долгий ящик. Да, забыл упомянуть, что для разгрузки контейнеров Лакис

часто привлекает своих знакомых пакистанцев. Работнички они так себе, но сравнительно дешёвые и тупорылые. После разгрузки он им по червонцу на нос заплатил и те свинтили к себе обратно в гетто, а я, соответственно, остался на подхвате. И так это будет теперь всегда, как мне кажется. Но, вернёмся к нашим баранам... Денёк был непростой, как я уже сказал, а я работал так, что никаких зазоров. Лакис, надо сказать, не смотря на свой возраст, сам работник огого, за ним не угонишься. А мне надо было здесь себя зарекомендовать раз ничего, кроме ломового труда я сам ему предложить не смог. Или не пробовал ещё? Поэтому не трудно догадаться, с каким антиэнтузиазмом я воспринял его идею поработать сверхурочно. У нас существует в России похожая система, добровольно-принудительной называется. Короче, Лакис попросил, я не смог отказать. В общем, утёрся я и мы работнули с ним ещё часика на полтора. Зато, потом, когда надо было ехать домой, Лакис вдруг сам вызвался подбросить меня до отеля. В принципе, это выглядело логично с его стороны и я с радостью согласился. Но я обычно после работы в Ларнаку шкандыбал до Раундабаута (кольцевая развязка) и сразу налево, до набережной Финикудес, а тут смотрю, мы куда-то направо с ним завернули. Повернули и повернули. За границей я себя приучил лишних вопросов не задавать, сижу слева от водителя (на Кипре левостороннее движение, как в Англии), курю, Лакис рулит. Лакис был очень спокойным человеком, почти флегматиком, что здоро-

во уравновешивало мой взрывной и импульсивный характер. Короче, едем, Лакис по привычке бубнит без умолку, разными вопросами меня донимает, я же в силу владения греческим с английским как-то ему ещё отвечаю, а сам думаю «господи, поскорей бы уже мордой в подушку зарыться!» Он словно с голодного края вырвался! Всё ему интересно, какую бы околесицу о себе я не нёс. День сделан, мы катим с Лакисом по вечернему городу и это реально кайф! Стёкла в нашей кабине опущены до упора, поток тёплого, почти горячего воздуха окатывает нас с головы до пят. На улице теплынь и огней столько вокруг, что кое-где даже светлей, чем днём. Это то редкое эмоциональное состояние, когда ты просто в топе новостей! Оказывается, до меня у них тут был уже один египтянин, но в качестве водителя. Причём, этой же самой «Мазды», в которой мы сейчас и едем! Лакис и у меня интересовался про водительские права, но мои права были украдены мерзавцами, когда меня грохнули в лесу в одном из белорусских городов. Так что за неимением оных, меня, по ходу, Андрэусы взяли к себе на работу пока в качестве разнорабочего. Кстати насчёт египтянина: этот прапрапраправнук фараонов, направляясь на одну из доставок по острову, в хлам раскурочил их грузовик вместе с находившимся внутри товаром. Что с ним стало потом, я не спрашивал. Конечно, диссонанс между «там» и «здесь» просто невероятный! Я физически ощущаю, как у меня буквально крышу сносит от невозможности синхронизировать события моего

недавнего прошлого и теперешнего настоящего. По факту, я сейчас голодный, уставший, но счастливый. А пока пару слов о том, как обычно строится мой рабочий день в «Вудбайн»: дважды за день, примерно, утром и в обед, Лакис выделяет мне по пять лир (десять баксов) наличкой, чтобы я на перекус купил бы себе, скажем, сэндвич, что-нибудь попить вроде Коки-Колы, и ещё на сигареты. В «Шоу-Рум» у нас имеется ещё и кулер, туда Лакис заливает исключительно родниковую воду, которую заранее затаривает в капроновые канистры из специальных, я бы сказал, придорожных «водоматов», функционирующих по аналогии с банкоматами. Стоят себе у придорожных обочин такие невзрачные с виду прямоугольные колонки с нишей под баклажку, а рядом специальная прорезь имеется. Опускаешь пятидесятицентовую монету в слот и тебе из краника водица набегаёт. Кажется, литров десять. Не помню точно. Вечерний Кипр великолепен. Да ещё когда накладывается на всё соответствующее настроение... Это даже больше, чем эйфория в прихотливом наборе эндорфинов! Счастье, вообще, опасная штука и тут важно понимать каков твой глобальный запрос. Да, тебе, может, и удастся вырваться из Матрицы, но тогда ты перестанешь быть социально зависимым субъектом. Это как птицы: те тоже независимы вроде, но только на первый взгляд, просто у них другая изотерическая подчинённость обстоятельствам. Опасное состояние, ибо, птицам многое не дано. Я ещё неважно ориентируюсь в Ларнаке, что только усилива-

ет впечатление от его ночного собрата. Но Раундабаут мы миновали с Лакисом достаточно быстро и вот теперь, едва выехав на шоссе Стратигу Тимайя, снова поворачиваем налево, прямиком на огромную автостоянку перед супермаркетом «Крис Кэш энд Кэрри». Я вяло реагирую на перемены по причине крайней усталости. Мне бы в отель... Да, Лакис заезжает на него и паркуется. Я не вкуриваю ни хрена, но следом за своим старшим товарищем тоже выгребаясь из кабины. Лакис чота подозрительно улыбается всё время. Но коль заходим внутрь супера, значит, неспроста. Честно говоря, у меня в последнее время культурный шок наблюдается. Представь себя человеком, только что окончившего длительный пост. Это, собственно, я и есть. Сразу в вестибюле магазина Лакис берёт большую карОтцу (каталку) и мне предлагает сделать то же самое. Повинуюсь. Вливаемся в бесконечно снующий поток покупателей, бессловесно лавируем между прилавков со всевозможной хавкой. Кругом пиршество этикеток, брендов, диковинных упаковок. А, запахи... запахи здесь какие! Лакис садюга, однако. Я понял так в своей жизни, что когда чего-то слишком много и часто, то этого как бы и нет вовсе. А вот смысл в том, как мне кажется, чтобы этого чего-то было либо много, но редко, либо мало, но часто. Выгляжу я немного глупо с пустой тележкой, но Лакис мне выбора не оставил. И особо ничего не объясняет, ходит по магазину, как по музею, я за ним с глупым видом. Но вот, останавливаемся у одного из прилавков, Ла-

кис водружает на нос очки, берёт какую-то консерву и долго крутит её в руке, улыбнувшись, поднимает большой палец вверх, показывает мне, мол, «вкусно». Я киваю. Чувствую себя совершеннейшим дураком, но готов ещё потерпеть. Не век же он будет издеваться надо мной? Катим по магазю дальше. На прилавки с алкоголем стараюсь не смотреть, но как ни странно, на глаза они мне попадаются чаще других. Лакис, по-видимому, решил уничтожить меня морально, так как прётся сейчас именно к ним. У меня в каротце лежит пока только пара шпрот из Порту и несколько слайсов ветчины, пора бы и к ним чего-нибудь. Останавливаемся напротив одного из прилавков со спиртным, Лакис не перестаёт таинственно улыбаться. Мне в пору загадывать желания. Тема бухла для меня пока строго табуирована мною же самим, но когда-то сухой закон всё же придётся отменить. Желание загадано. Словно спецом, Лакис берёт с полки какой-то вискарь и начинает оценивающе осматривать бутылку со всех сторон;

– Поли динато, а? – очень крепкие, а? – Лакис явно стебается, проверяет меня на прочность. Я прочен. До поры. Он ставит бутылку на место и перемещается к винам. Опять походил, повыбирал чего-то, а потом взял какой-то пакет с вином и с понтом читает, что там написано.

– КрасИ ксирО! Су арЭси афтО? – (Сухое вино! Как тебе?)

Я уже понимаю, что являюсь свидетелем чего-то очень важ-

ного, возможно даже, что сегодня господь смилостивится надо мной. Я просто киваю башкой и мило улыбаюсь. А что мне ещё остаётся делать? Тогда я полностью отключил анализатор в своей голове, так было проще снести пытку супермаркетом. Небеса таки разверзлись и в мою продуктовую корзину немедля отправился вожделенный пакет с вином. Лакису за это респект! После этого, моя корзина стала стремительно наполняться сырами, колбасами и прочей снедью и на всё это я взирал безропотно, поскольку полагал, что это есть некая компенсация за риск, может быть, за наглость даже. Не важно. Важно, что это работает и при минимальных морально-этических затратах. «Малою скорбью»... Затарившись по полной программе, мы выкатились со всем этим добром прямо на улицу и – прямиком к нашему грузовичку. Один хрен, настроение классное! Люди кругом приветливые, загорелые все, бабы красивые, с ногами открытыми «до»! Не вечер, а просто сказка какая-то! Продуктов было закуплено нами до хрена, поэтому Лакис сразу предложил сложить их не у нас в ногах в кабине, а в кузове, поближе к заднему борту. Так и поступили. У Лакиса, настроение тоже класс, постоянно улыбается, шутит. Залезаем в кабину, Лакис с добродушным лицом поворачивается ко мне;

– Ну, что, в «Элеонору»?

Я устало киваю ему головой. Денёк получился будь здоров! Я так замудохался на работе, что мне даже лень отвечать. Лакис завел мотор, мы медленно тронулись и поехали.

Город мягко обвил меня вельветовой пестротой улиц, а греческий музон в автомагнитоле лишил меня последней воли к сопротивлению.

– Приехали! – Лакис кивает на вход в отель. – Здесь?

Я с трудом продрал глаза, видимо, меня совсем развезло в дороге.

– Здесь. – не могу сообразить, что делать дальше. Лакис тихо смеётся, жестом глаз показывая мне, что сперва я должен открыть дверь.... А, вспомнил! Благодарю его что подвёз, желаю ему «калинИхта» (спокойной ночи) и уже собираюсь вылезать из кабины, а он мне: «МисО лептАки, Андрэа!» (мол, погоди ещё немного) ... Быстро высаживается сам, зовёт меня за собой и уже вместе с ним мы шуруем в корму грузовика. Лакис первым лезет рукой под заранее расшнурованный тент, достаёт оттуда два пакета с едой и протягивает их мне. Я в непонятках...

– ПАрта! ДикОсу Инэ! (Бери! Это твоё!) – потом вдруг спохватывается; – ПерИмэнэ... (Подожди—ка...) – и снова начинает шариться в своём пакете. Вытащив из него пучок какой-то зеленушки и фунфырик «Зивании» (кипрская водка), торжественно забирает их себе: – Ке афтО дикОму Инэ! (А это моё!) – и тоже одаёт мне свой пакет и опять озорно улыбается. Лакис счастлив оттого, что произвёл на меня впечатление. А в это время Христос с отвисшей челюстью наблюдает за всем происходящим из вестибюля гостиницы. С благодарностью забираю три пакета с хавкой себе.

Я ещё не в курсе, что подобными событиями будет теперь плотно обставлена вся моя дальнейшая жизнь на Кипре. Лакис – несомненный гений конспирологии: и отель мой пробил, и впечатление на иностранца произвёл. Наконец, жмём друг другу руки на прощание, кажется, на этот раз окончательно. Я не успел ещё в холл пройти, а уже было слышно как «Мазда» с рёвом сорвалась с места. Аминь!

Глава 8

«Куплет восьмой»

Дальше, как я уже говорил, мы немного посидели с Христосом за кофеём, покурили, потрендели о жизни, мне было приятно козырнуть перед ним своим прогрессом в делах. Чем мне нравилась всегда жизнь в Греции, что за работу там платят мирокАмату, то есть, в широком ходу подённая оплата труда. Нет, разумеется, есть там и производства различные, фабрики там с заводами и прочее, где ЗП действительно выплачивается один раз в месяц и ты с этого платишь налоги, делаешь отчисления на медицину, социальное страхование. О кей, ради бога. А если ты нелегал? К слову сказать, я дважды в жизни переживал такие состояния, когда меня могло спасти только чудо. И если в первом случае этой палочкой-выручалочкой была для меня работа матросом в море, то в эмиграции, соответственно, это была как раз мирокАмата. Но, кажется я опять начал сбиваться с курса? (смайл) Я когда поднялся к себе в номер, то ещё раз для верности заглянул в пакет, счастью моему не было предела – да, пакет с вином был на месте! Как же оно мне было нужно сейчас! Пожалуй, даже больше, чем еда. У меня столько стрессов было за эти два года! Не устаю говорить, что вино является идеальным антидепрессантом. А кипрское, наверняка, настоя-

щее, а не суррогатное пойло неведомо какого разлива. Готовясь к трапезе, я ещё раз отмотал плёнку назад, где всему находилось своё объяснение: и этой загадочной улыбке Лакиса, и тому с каким иезуитским апломбом он вёл себя у прилавков с продуктами. Я, наверное, идеалист, но очевидно же, что мне нравится состояние, когда такие вот минуты оплачены сполна строгим постом. Вольным или невольным, это уже другое дело. Взяв поднос, я стал неспешно обкладывать его явствами. Почему-то португальские сардины из Порту мне виделись идеальным подспорьем в этом деле. И каких тут только не было! И рыбка в пикантной масляной заливке с красным перчиком, и в горчичном, и в традиционном томатном соусе! Выбрав одну из баночек, я просунул указательный палец в отогнутую чеку на крышке и с осторожным усилием потянул её на себя, желье сухо хрустнула, отслаиваясь от банки и рыбка оголилась, разнося по кухне возбуждающий аромат. Следом я разрезал пополам лимон и одну из половинок тут же выдавил в банку со шпротами, лимонный сок янтарными пятнами расплылся по маслу. Потом я отломил немного хлебужка, деловито открыл пакет с вином и наполнил сразу два бокала, один себе, другой воображаемой жене. Не бойтесь, у меня с головой всё в порядке! Просто сейчас я действительно хочу выпить не один, а вместе со своей виртуальной супругой, не смотря на то, а, может быть и именно потому, что она сейчас находится недостижимо далёко от этих мест. Чёрт его знает, время на Кипре течёт

как-то нетипично! Вроде бы неделя всего прошла, а ощущение такое, будто я здесь уже не первый месяц! И это с учётом того, что мой рабочий день длится, в основном, до одиннадцати часов вечера?

– «За нас, Лен!» – чокнувшись со вторым бокалом, стоящим напротив зеркала, я со вкусом осушил свой первый бокал. С непривычки вино мне быстро ударило в голову, но растекаясь по телу мягко и без ущерба, оно лишь качнуло меня слегка изнутри и я поплыл. В виду позднего времени суток «Элеонора» напряжённо помалкивает, но очевидно же, что большая часть её резидентов сейчас занимается примерно тем же, что и я, либо разбившись на пары, увлечённо предаётся тому, за чем они, собственно, сюда и прилетели все. Словив кайф, я попытался припомнить что-нибудь эдакое, чтобы завести себя на контрах, но моё недавнее прошлое стало вдруг настолько неактуальным сейчас, что мне поневоле пришлось наполнить свой бокал по-новой. Я с удовольствием опять налил себе вина в бокал и снова закурил, хотя, предыдущая сигарета в пепельнице ещё продолжала тлеть микроскопическим угольком, непотушенной почти у самого фильтра: «дорвался до бесплатного»! (смайл) Следующий бокал пока не выпиваю, растягиваю удовольствие... Кажется, профессор Клаус Йозеф Ридель говорил, что форма винного бокала влияет на вкус и послевкусие вина? У меня хоть и не Пино Нуар в бокале, но тоже ничего! Господи, почти забытое состояние, я – снова пьяный! Пьяный от сча-

стья и от вина. Так ли хорошо я выучил уроки? Не знаю. Но мне кажется, что жизнь я стал ценить гораздо больше. Да, это всё форсаж, да, такой образ жизни здорово укорачивает мне эту самую жизнь, но... зато, какой же это драйв, господа! От нечего делать разглядываю пачку сигарет. Так, ничего особенного, кипрские сигареты «Сеньор Сервис Лила»! Это мои самые первые сигареты на острове, которые я купил себе за собственные деньги. Они мне сразу понравились, не очень крепкие, с нейтральным вкусом, под винцо в самый раз. Подозреваю, что подобный образ жизни у меня может растянуться на весьма длительную перспективу. Так кто же виноват в том, что женатых мужчин грубо разлучают с их любимыми женщинами, а в образовавшиеся пустоты запихивают всякую дрянь в виде хронической неустроенности, зависти и сплетен? На сей раз не залпом выпиваю свой бокал, а делаю несколько глотков между затяжками. Эффект куда более мощный, чем в первый раз. А, похер! Лакис уже в курсе, что сегодня русский будет немного отрываться. Весело подмигнув зажжённым бра, я перевёл свой взгляд на отражение в зеркале, бокалов получалось четыре, что меня слегка позабавило. Я ещё не сошёл с ума, я просто дико устал. Когда тебе за сорок и ты по прежнему романтик, то какие ещё ощущения способны вернуть тебя к жизни? Сейчас я один сижу в гостиничном номере и бухаю. Один. С двумя бокалами. Внешне это выглядит немного странно, но если разобраться, то вовсе и нет. Не мигая, я смотрю сквозь причуд-

ливые дымные завитки на нетронутый бокал с вином, там, в зеркале, симметричным обманом отразилась вся моя прошлая жизнь. Мне больше не хочется возвращаться к прошлому, как будто прошлым может быть только чей-то дом, город, или страна. Но почему, как только немного ослабло сжатие, я стал опять снедаем комплексом неполноценности? Что за мазохизм! Докурив сигарету, я снова наполнил и одним махом опрокинул следующий бокал, этот уже оказался более заборист. Понятно, что тут все факторы сложились воедино. Меня всегда, когда я выпью, тянет пофилософствовать. Сейчас можно. Имею полное право. С ленивым любопытством наблюдая с за тем, как медленно стекают по тонким стенкам бокала винные «дамские ножки», я успеваю подумать о том, что мне было бы лучше раздеться прямо сейчас. И ещё, от греха, затушить сигарету в пепельнице. Уже никакими глазами щурюсь на часы: «Ого! Около двух часов ночи!» Блин, завтра... нет, уже сегодня, мне к девяти часам нужно быть на работе! Чувак, ещё раз и по слогам: «на-ра-бо-те!» Радость вместе с винищем пронзает меня по-новой, кажется, организм бросил на это осознание все свои последние резервы. Чтобы завершить этот день, я опять тянусь рукой к бокалу с вином, что так и стоит нетронутым на подносе возле зеркала. Бокал отрывается от подноса и летит вглубь отражения к незнакомому мне человеку. Незнакомый человек это я, потому что я почти уже сплю. Валясь на кровать, я едва успеваю проследить краем глаза за потушенной сига-

ретой в пепельнице. Я так и не успел раздеться. – «Ничего!
Я только ласты сейчас подтяну...»

Глава 9

«Куплет девятый»

Итак, Кипр, город Ларнака, улица Медузы Горгоны, строение №13. Работаем в «Вудбайн» на постоянной основе. Если, конечно, не вмешается форс-мажор. А теперь немного о том, что из себя представляет Кипр. Поскольку Кипр это ещё и бывшая английская колония, то почти все его островитяне здесь спокойно чешут на грИклише. Гриклиш – это типичный новояз, образованный в результате слияния двух языков, английского и кипрского, но только с применением местного, так называемого «деревенского» диалекта. Это на нём чесали отец и сын Андрэусы, когда проводили мою экзаменовку при приёме на работу. Гриклиш для меня идеальное сочетание языковой коммуникации, так как оба языка, английский и греческий, которыми в равной степени я владел тогда процентов на семьдесят пять – восемьдесят, здесь прекрасно дополняли друг друга. В Ларнаке у господ Андрэу, на нынешний момент времени ставшими моими работодателями, имелись два магазина, которые торговали, в основном, роскошным европейским антиквариатом, начиная с античной булавки и заканчивая бывшей в употреблении, но ещё довольно приличного товарного вида мебелью из МДФ, ДСП, а также из натурального дубового,

букового и орехового массива. Всё это богатство господин Теодулакис (Лакис) Андрэу примерно два раза в месяц доставлял из различных стран Запада, сначала морем, а потом трейлером по суше. Этими странами преимущественно были Англия, Венгрия, Румыния и, конечно же, его любимая страна Голландия, где он, будучи ещё достаточно молодым человеком, и начинал свою нелёгкую эмигрантскую карьеру. А вот оба ларнакских магазина, фактически, были расположены всего лишь в нескольких метрах друг от друга, как бы единым географическим квадратом покрывая две смежные улицы, улицу Медузы 13 и улицу Филирас 25 (сегодня это легко проверить по GoogleMap). К тому же, оба магазина прекрасно были видны с главного шоссе Декелия-Роуд, что для проезжавших мимо автомобилистов было неплохим рекламным подспорьем. В одном магазине, что стоял на углу, прямо на пересечении улиц Филирас с Медузой, в полном соответствии с его громким названием «SHOW—ROOM» (демонстрационный зал), были выставлены самые лучшие образцы бэушной европейской продукции, а так же нулёвые кожаные диваны и кресла, тогда как другой магазин, справа от него, на Медузе, был огромным торговым складом и назывался «WAREHOUSE». У него ещё была дополнительная пристройка слева – апотИки (греч. – Подсобка), где, собственно, вся мебель собиралась и починялась. Как я уже упоминал, два-три раза в месяц для пополнения своего товарного ассортимента Белый Попечитель Лакис Андрэу

эу снаряжался в свой очередной заграничный вояж по Европе, где по сравнительно бросовой цене скупал для себя всевозможный заморский антиквариат, который сначала морем, а потом по суше ему доставляли в Ларнаку нанятые им поставщики во вместительных шестидесятитонных морских контейнерах. Я когда впервые увидел под одной крышей такое немыслимое скопление старинных экспонатов, то чуть было не обалдел, это было подобие Сезама! Плюшкина от зависти, наверняка, кондрат хватил бы. И если «SHOW—ROOM» был вроде *агромального* стеклянного ларца с драгоценностями, то «WAREHOUSE» был стопудово хранилищем, где практически не было ни одного свободного метра пространства, кроме специальных проходов. Так, построенная в шеренги для лучшего обозрения, как солдаты по ранжиру, вся эта мебель сначала была представлена крупными «кусками» (как обычно выражаются сами греки: ме та мегА-ла комАтья), потом шли «куски» поменьше и так до противоположной стены, где самые последние экспонаты заканчивались маленькими столиками-стульчиками, компактно задвигавшимися один под другой наподобие трансформеров, либо утварью в виде кадок, коробов, старинных швейных машин «Зингер» с ножным приводом, очень старых печатных машинок «Ремингтон» и. п. Стены «Уэархауза» были сплошь увешаны зеркалами, картинами, бра, настенными часами с курантами, прочими безделушками, а во весь потолок от стены до стены в несколько рядов были натянуты тон-

кие металлические тросы, которые удерживали на себе десятки всевозможных люстр со светильниками. Словом, работу я себе оторвал здесь нехилую. «WAREHOUSE» не был капитальным строением, а представлял из себя большой ангар под двускатной крышей из обычного шифера. Несущий каркас его был сварен из тонкого прямоугольного профиля и тупо застеклён с трёх сторон огромными стеклопакетами, которые кроме обзорной фасадной стороны были наглухо заделаны тонкими полистироловыми плитами, это чтобы полностью исключить контакт убийственного кипрского солнца с мебелью и без того уже получившей солидную амортизацию за длительные годы своего использования. То есть, антиквариат, представленный в ассортименте «Woodbine Trading Ltd», был самый разнообразный, но преимущественно состоял из мебели. Каждый раз любуясь этими столярными изысками, я недоумевал: как же так, неужели, уровень потреблядства на Западе достиг таких значений, что люди решили избавиться от этого «хлама»? Боже мой, чего тут только не было! И допотопный антик, и стиль барокко, массивный, в причудливых завитках резных консолей с мудрёными загогулинами накладной деревянной лепнины, а так же откровенный кич из контроплакЕ (греч. – клееная древесина) в лаконичном сочетании плосковыемчатой резьбы с контурной. Что же касается моих основных рабочих функций, так это банальный уход за мебелью, хранящейся в «WAREHOUSE». Ей, родимой, ежедневно и ежечасно я

придаю подобающий товарный вид.

– «КАне Этси, Андрэа! – часто наставляет меня господин Андрэу и тут же показывает сам, как мне следует выполнять ту или иную процедуру хронологически правильно; – Я на влЕпи о кОзмос!» – (Делай так, Андрэа! Чтобы смотрелось со стороны!) Ничего мудреного в его действиях, разумеется, нет, ибо, бОльшая часть техник в мире примерно одинакова. Так же часто приходится перекантовывать мебель с одного места на другое при помощи средств малой механизации. Но это пока. Возможно, дальше мне будут вменяться и другие обязанности. Работаю я почти в полном одиночестве, часто даже приходится выискивать себе что-нибудь специально: везде у меня здесь порядок и всё блестит, как у кота яйца. Я могу так часами прохаживаться между рядов, бесконечно что-то подмазывая, подклеивая, освежая. Работа у меня в «Woodbine» пока абсолютно творческая. Но это только в «SHOW—ROOM» весь товар с иголочки, а тут, в «WAREHOUSE», много мебели поцарапанной, с облупившимся лаком на поверхности, с отбитыми углами и ножками, с болтающимися петлями на дверях, со стабильно неработающими замками. Одна немаловажная деталь: чтобы не сломать ключи при транспортировке, Лакис их обычно вынимал из замочных скважин, а наиболее ценные помечал специальными ярлыками (с кодами) и складывал все в одну общую коробку. И вот всё это добро вперемишку, а надо было каждый ключик к его родному зам-

ку подобрать индивидуально. А если учесть, что замков было море и многие из них были сломаны, то нетрудно себе представить насколько занимательным был поиск подходящей пары. Кстати, некоторые ключи, благодаря своей замысловатой форме, можно было отдельно отнести к произведениям искусства! Андрэусы меня пока особо не нагружают, но, думаю, тем самым они проверяют меня на моральную и стрессо-устойчивость. А когда совсем делать нечего, я выхожу на улицу покурить. Сажусь пятой точкой на бордюр у дороги, здесь сравнительная тишина, только справа метрах в двадцати пяти пролегает шоссе Декелия – Роуд, но и там автомобильный поток не слишком интенсивный. Сижу, курю, про себя философствую... Не знаю, впервые на душе спокойно, как никогда. Наверное, оттого, что впереди зима, а ни морозов, ни снега не предвидится? (смайл). Словом, даже со скидкой на свою античность, но без соответствующего столярного вмешательства, эта мебелишка имела бы невысокие шансы быть проданной за приличные деньги. Консумация! Подешевле купить, чтобы потом подороже продать, в бизнесе этот принцип является становым. Не знаю, как в других частях света, но на Кипре покупатель крайне привередлив и прежде всего потому, что киприоты это прирождённые маркетёры. Страна базар и люди в нём торговцы! Сегодняшний Кипр это рай, руками человека воплощённый на Земле. Здесь роскошь ровным слоем намазана на хлеб и, несомненно, счастлив тот, кто мажет себе этот бутерброд.

О себе киприоты говорят так примерно: – «Мы строим себе дворцы, будто собираемся жить в них вечно, а едим так много, словно завтра наступит голод!» Повторяю, покупатель на Кипре весьма избалован и чтобы продать ему что-либо, ему нужно либо здорово угодить, либо просто обмануть. Понимаю, что звучит это немного пошло, но, по-крайней мере, обман тоже бывает разным, полным изящества, например. Чем это достигается? Очень просто! Чтобы достичь желаемого результата, сначала мы должны убрать вопиющие изъяны в нашем товаре и уж потом мы приступаем к финишной доводке, которая, к примеру, включает в себя шлифовку поверхности путём натирания её чудодейственной мастикой. Кто знает, тот знает, что методик по достижению нужного эффекта существует великое множество, но все они сводятся к единому и неделимому принципу: «куй железо, пока горячо!» В сказках, чтобы воскресить умершего, люди обычно пользовались живой водой, в нашем же случае это была чудо-жидкость «Magic». Та самая, кстати, которой Лакис, а потом и его сын Марио пытались впечатлить меня в наш самый первый день знакомства. Натирание «Мэджик» мебели, как покойника формалином, вправе называть реставрацией, мухлежом, чем угодно, главное, чтобы это было красивым обманом, таким деревянным облаком в штанах, которое в первую очередь устроило бы самого покупателя. Помню, как возмущался однажды один состоятельный англичанин, тщательно соизмеряя своё собственное пони-

мание профессионального ухода за стариной с недопустимостью в принципе какого бы то ни было её косметического обновления: – «Вы убиваете старину!» – кричал он, бродя по «аллеям» «WAREHOUSE» в поисках спёкшегося праха, наверное. Прав тот, кто всегда помалкивает. Я тоже помалкивал, поскольку был заранее проинструктирован моими господами о неразглашении «военной тайны», как из хорошо известной всем субстанции люди знающие делают настоящую конфетку. Вот, кажется, мы и дошли до самой сути? Так кто же мы такие, реставраторы? Ремесленники? Понтовые разнорабочие? Да мы и те, и другие, но чаще – простые грузчики. Нас в фирме четверо мужчин, но один, вообще-то, пока не в счёт, это семнадцатилетний Андрэас Андрэу, мой тёзка и младший сын Лакиса Андрэу, тот денно и ночью торчит в городке ДАли, в их третьем по счёту магазине, где он посменно работает продавцом со своей сестрой-погодкой Марианной. Дали, это если ехать из Ларнаки вглубь острова по шоссе Декелия-Роуд в сторону КалО ХорьЁ и ПерА ХорьЁ. Нам с моими компаньонами по бизнесу частенько приходится заворачивать туда для обновления тамошнего ассортимента свежим антиквариатом, либо что-то забирать оттуда уже в Ларнаку, для последующего ремонта в мастерской «WAREHOUSE», то есть, в апотИки. Но, коли уж я упомянул о Марианне, сестре своего младшего брата Андрэаса, то следует тогда сказать и о наших старших «боевых подругах» – киприотках госпоже Вуле Андрэу, супруге Ла-

киса Андрэу и одновременно генеральном директоре фирмы «Вудбайн», а так же их дочери Суле. Сула, самая старшая из детей, примерно лет тридцати (я специально не уточнял, неудобно было), была под стать своей матери, такая же строгая и по-спортивному сбитая англо-киприотка, но если госпожа, или кИрия (по-гречески) Вула была только внешне строга и неприступна, то Сула вообще никогда не скрывала своего ко мне настороженного отношения. Говоря пространным языком, мы были оба крайне несимпатичны друг другу. Сула и Марио, это, как выяснилось, дестабилизирующий фактор в моей нынешней заграничной жизни. Я здесь пока нахожусь в полуподвешенном состоянии, так как окончательного решения о моём приёме на работу семья Андрэу всё же пока не приняла. Надо думать, что в обозримом будущем они соберутся на семейный совет по этому вопросу. Я, естественно, очкую. Так вот; Сула появляется в нашей фирме крайне редко, но и этого порой бывает достаточно, чтобы мы тем или иным образом не цапнули друг друга словесно. Недавно Сула выскочила замуж за автослесаря из соседнего с Ларнакой селения Арадиппу и потому большую часть времени торчала теперь в его бизнесе, всячески опекая супруга. Здесь я немного забегаю вперёд, так как уместным будет сказать, что с Сулой и Марианной я познакомился значительно раньше, чем с их матерью Вулой, которая на тот период времени находилась в Англии по делам фирмы, а по сути, на своей первой родине и это от неё в большей степени зави-

село, буду я работать вместе с ними, или нет. Так, по крайней мере, мне поведал сам господин Теодулакис Андрэу. Вула и Лакис – это классический пример того, как шея вертит головой. Короче, пока она в отъезде, я могу не бояться за свою работу, поскольку сам Мариос ещё недостаточно влиятелен, чтобы в одиночку решать мою судьбу. Вообще, моё появление в «Woodbine Trading Ltd» во многом благодаря кирие Лакису было воспринято его домашними хотя и неоднозначно, зато с покорностью, на моё счастье дети на Кипре мнение своих родителей принимают беспрекословно. Видя, что дело набирает такой оборот, я занял выжидательную позицию, мне лично было нечего противопоставить таким сильным и влиятельным личностям как Марио и Сула. Они, например, считали, что зачисление меня в их штат на постоянной основе является делом преждевременным и что я не так безобиден, как пытаюсь казаться. Тогда как типичное «английское болото» Марианна с Андрэасом на момент голосования могут мне добавить желанных очков. Особенно Марианна. Мы с ней неплохо скорешились уже, что явно выбешивает Марио и Сулу. Блин, всё прямо как в мыльной опере! Итак, пока я могу здесь работать, да, но последнее слово всё равно будет за госпожой Вулой, которая сейчас в отъезде. Так вот Марианна, пожалуй, была единственным человеком в их фирме с кем у меня сразу установился неплохой контакт. Конечно, можно утверждать что она юна и неопытна! Но нас прежде всего объединяло схожее чувство юмора.

КипрЭа (греч. – киприотка) Марианна была действительно очень прикольной девчонкой. Ей, как я уже сказал, чаще других в фирме приходилось бывать на подхвате: то она в офисе у Марио на втором этаже сидит в комп пялится, то Андрэаса на работе в Дали замещает. А ещё я слышал, что она где-то там у себя на институтских курсах обретается. А по поводу юмора и всего такого: я не знаю откуда она это выкопала, но я никогда не забуду этот её коронный жест правой рукой в виде отдания мне чести с отмашкой от козырька по-американски! Часто при встрече со мной Марианна напрягала свой тощий девичий бицепс и восклицала: – «Русские офицеры! У-у-у-у-у! Сила!» Или эта её без комплексов улыбка с проволочным корректором (ретейнером), пропущенном через верхние зубы? Словом, шутки у Марианны всегда получались толковые и за это я готов был уважать её форевер. Короче, нас трое пока работоспособных мужчин в их фирме, это господин Лакис Андрэу, его старший сын Марио и я, ваш покорный слуга, вечно странствующий русский. Работа в «Вудбайн» классная, ничего не могу сказать. А недавно кирие Андрэу впервые взял меня с собой на «делИвери» (от англ. delivery – доставка). Помню в тот день мы как обычно загрузили товаром нашу отентованную трёхтонку для очередной доставки заказчику и я уже было собрался идти опять к себе в «апотики» доделывать какую-то там недовершённую работёнку, как Лакис вдруг бросает мне: «Элла, Андрэа! Садись, поехали!» Ну, я привык, вообще-то, лишних вопросов не зада-

вать, а когда мы с ним вырулили на хайвэй и вжарили на газ, а после стали плутать по разным отдалённым городкам и селениям, вот только тогда до меня и дошло, в каком шоколаде я тут оказался! Остров Кипр по протяжённости своей небольшой, всего-то полтора часа езды на приличной скорости из одного конца в другой, но чертовски красивый. У нас доставки бывают самые разнообразные, от Ларнаки до Пафоса и даже высоко в горах, типа Троодоса и Финикарии. То есть, к нудной работе в «WAREHOUSE» и апотики, теперь добавились ещё многочисленные «делИвери», или парангелИи, по гречески. Тут тебе столько впечатлений, что ни одному туристу даже за бабло не светит увидеть. Разве что, миллионерам только? На время таких поездок Лакис и водитель и грузчик, а я, типа, экспедитор и грузчик. Когда приходит счастливая пора «деливери», я готов целый день напролёт таскать на своём горбу полнокомплектные гарнитуры из дуба и бука. Для меня деливери, это очевидная пруха. Во-первых, не надо на барском дворе без конца отсвечивать, мебель с места на место переставлять, а то и просто страдать от безделия, а тут сразу три в одном: бесплатные экскурсии по острову, сравнительно необременительные функции грузчика и прочие ништяки вроде частых перекусов. Бывало, что и пиво мне обламывалось и даже что покрепче. Всё зависело от того, куда едем, кто заказчик, сколько будем в пути и так далее. Сначала на доставки я ездил исключительно с господином Лакисом Андреу (видно происходила

притирка), а потом подключился Марио. Но и тот и другой, оба работали со мной на равных всегда, то есть, мне даже во многом проще было, так как я ни дня не сидел за баранкой, только покуривал в дороге, да байки травил. Тогда я был реально счастлив. «Деливери» – это бесконечные разъезды по острову, иногда короткие, как взмах мачете, а иногда затяжные за полночь с сухими глазами, напряжённо всматривающимися в ночную дорогу, освещённую только ближним светом фар. С Марио ездить намного интереснее, он и молод, и умён, и более современен. К тому же Марио курит, как и я, и частенько не чурается вместе со мной бухнуть пивка по дороге. Но что мне особенно нравится в деливери, так это свобода. Единственное, что нас связывает во время доставок с офисом в Ларнаке, это мобильный телефон Марио. А всё остальное на наше с ним усмотрение. Это стало уже приятным ритуалом: если нам со сранья поступает команда загружать нашу «Мазду», значит, скоро в путь и, возможно, на целый день. Рассекать по Кипру одно удовольствие. Часто мы мчим по шикарному хайвэю, а слева и справа от нас, перемежаясь зелёными полями, проносятся маленькие чистые селения, а где-то вдалеке, напоминанием о рае, неизменно поблёскивает золотыми чешуйками величественное море, ярко-зелёное, до краёв налитое светом и теплом. Находясь в октябре на Кипре, я спецом напоминаю себе о календаре. Не патриотично, согласен, но мне хватило двадцати восьми лет, когда-то отданных Заполярию. Здесь жара ча-

стенка подскакивает до тридцати, поэтому стёкла в кабине нашей «Мазды» мы постоянно держим опущенными до упора. Кабина нами прокурена напрочь, а в дороге из неё летят зажигательные песни Плутархоса, Ниноса, Нотиса Сфакьянакиса и Анны Виси. Марио обычно пользуется ушной гарнитурой, а мне он включает громко музон в кабине, после мы опять закуриваем и он нещадно жмёт на газ и праща-дорога выбрасывает нас на простор, залитый солнцем и щемящим ощущением счастья. Специфика моей нынешней работы такова, что условия для самореализации здесь мне кажутся почти идеальными. Когда ещё вот так, можно запросто мотаться по острову, забредая подчас в такие труднодоступные горные селения, что для обычного туриста вряд ли осуществимо даже и за баблос? Кипрский климат, это уже сама по себе достопримечательность! И тут, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз вспотеть. Опять же, я турист-экстремал. Я не еду за границу, чтобы пить там девять дней из десяти и я не планирую везти туда своё говно, извините, потому что оно уникальнее всех на свете. Я перемещаюсь в пространстве, чтобы лучше понять себя, других. Я рискую, но этот риск уже оправдан тем, что он пропитан уважением к неизвестности. На Кипре я часто встречал людей, совершенно не испорченных цивилизацией! Я быстро привык к улыбчивым и доброжелательным киприотам и, кажется, им я тоже пришёлся по душе. Однако, не всё так однозначно. Пытаясь понять, что я за человек, в дороге Ма-

риос много спрашивает меня о жизни, а я в свою очередь пытаюсь понять, что за человек скрывается за маской профессионального психолога и гипнотизёра Мариоса Андрэу, который не так давно с отличием окончил соответствующие курсы в Англии. Мариос нещадно давит на газ, он у себя дома, а я у него в гостях. Кипр завалил меня привилегиями, но к сожалению, во всём этом есть один изъян: скоро я опять стану нелегалом. Наверное, чтобы понять, насколько Кипр хорош, нужно побывать в роли иностранца? Этот же вопрос я задаю и Марио, но глядя на меня, Мариос улыбается, часто моргая, словно пытается скрыть от меня какую-то эмоцию и, как всегда, басит что-то скабрёзное мне в ответ. Нет, не похоже, чтобы этот крепкозубый загорелый киприот не верил в своё счастье. Кажется, Лакис тоже доволен, что с мы с его Марио вроде бы сработались на доставках? Как я узнал, что Марио психолог и гипнотизёр в одном пузырьке? А никто этого по ходу и не скрывал. Просто когда моё времяпребывание в отеле подошло к концу, а я к тому времени уже больше недели успел отработать в «Вудбайн», то я заранее поставил об этом в известность господина Лакиса, чтобы тот уже никак не смог отвертеться. А заодно и проверить, впишется он за меня в этом вопросе, или нет. Точнее, я ни дня не забывал о том, что скоро мне придётся подыскивать себе жильё. К слову сказать, в «WAREHOUSE», кроме аптеки, было ещё одно помещение «на задах», небольшое, но вполне вместительное для того, чтобы размещать там образцы

мебели, ожидающие своего часа по замещению выбывших для реализации диванов, а так же одно-, двух- и трёхсекционных кресел, так называемых мОно, диплО и триплО. Так вот, я откровенно предложил Лакису разрешить мне ночевать там, когда мне всё же придётся съехать из ксенодохиО (отель, гостиница). Помню, на первый раз он вроде как отшутился, а в конце рабочего дня вдруг заявляет мне: «Ну – ка, пойдём!» И выводит меня на улицу. Я был готов услышать от него всё что угодно, а он подвёл меня к парадному входу в «Шоу-Рум» и на второй этаж пальцем тычет, туда, где роскошная такая квартирка с балкончиком прямо над входом в магазин;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.